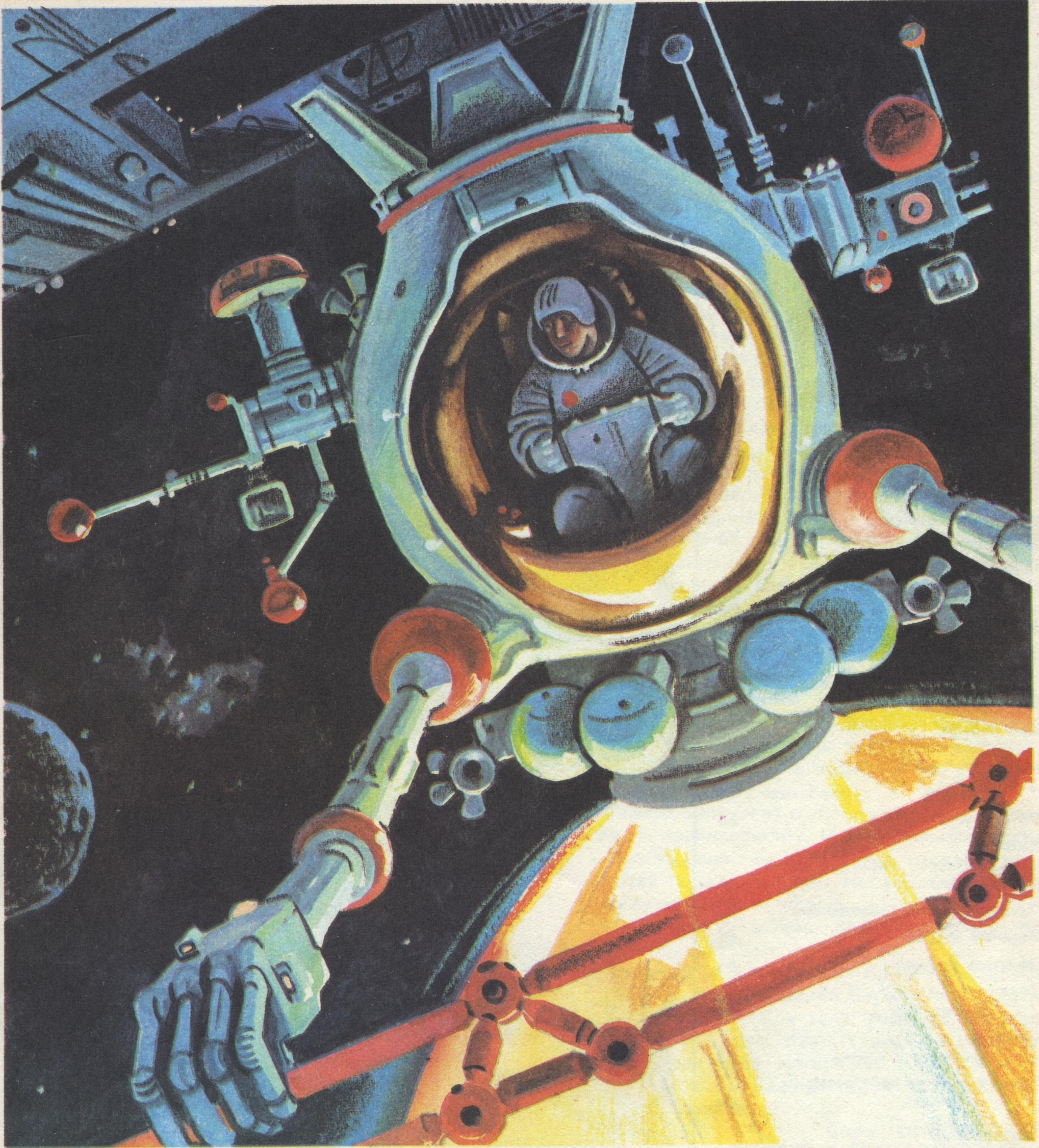

ISSN 0130-2574

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ
1990

КОСТЁР

2

ФЕВРАЛЬ
1990

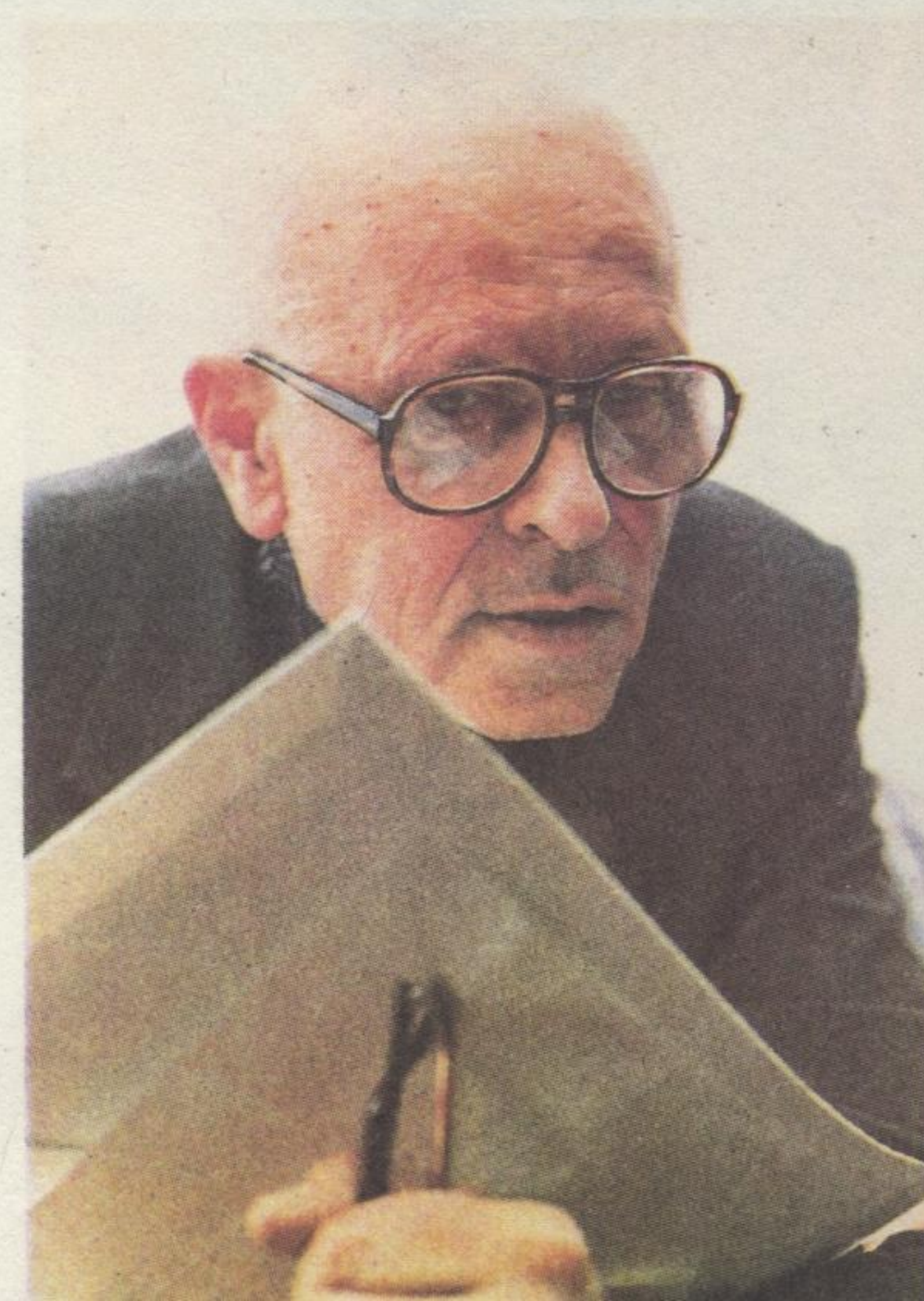
Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ

Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с июля 1936 года
© «Костер». 1990

ЖУРНАЛ ПЕЧАТАЕТ:

Курган	2
рассказ В. Никуленка	
Живая вода	7
Творчество твоих ровесников	9
Барaban	10
сообщения юнкорov	
Недетские вопросы	14
беседа Ю. Попова	
Отто — это носорог	16
повесть-сказка Оле Лунна	
Еще одна тайна Ахи-Ярви	24
Доктор Анатолий	26
очерк Т. Волинкиной	
Страна Поэзия	29
Два письма	30
очерк Е. Лунина	
Тук	31
рассказ А. Щербакова	
Урок истории	34
КИФ	36
конкурс изобретателей и фантастов	
Путешествие по Роботландии	38
Веселый звонок	40
Зеленые страницы	42
Стихи	44
З. Валиева	
Арчeбек	45
шахматы и шашки	
Как я к деду на небо лазил	46
небылица	

На обложке рисунок Н. Андреева

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Я думаю, никогда еще ни за одним событием вся наша страна не следила с таким напряженным вниманием, с таким искренним интересом, с таким волнением, как следила она за работой Съезда народных депутатов. Каждый день, возвращаясь к себе в гостиничный номер после очередного заседания Съезда, я находил на столе пачку телеграмм. Это ленинградцы, мои избиратели, делились своими мыслями, высказывали свое мнение о выступлениях депутатов, радовались и негодовали, давали свои советы.

А в огромном зале Дворца съездов каждый день кипели самые настоящие страсти. Не по готовым бумажкам, не заранее написанные речи, как это бывало прежде, читали депутаты — они говорили, порой поднявшись на трибуну, а порой выстояв длинную очередь у микрофона в зале, о том, что наболело, что тревожит, что не дает покоя. И именно это живое, яркое слово находило отклик в душах людей.

Но вот прошел, окончился Съезд, началась работа Верховного Совета СССР. Немало новых, важных законов предстояло и предстоит принять Верховному Совету. Одни из них готовятся правительством, другие вырабатываются самими депутатами в комитетах и комиссиях. Каждая строчка такого закона должна быть взвешена и выверена — ведь закону предстоит работать долгое время. И потому допоздна засиживаются депутаты, горячо спорят, предлагают разные варианты. Будущее страны решается сегодня здесь. И снова каждый день почта приносит депутатам десятки писем и телеграмм. Очень надеются избиратели на своих депутатов. Верят, что не даром их называют народными.

Нелегко, непросто работать сегодня и депутатам, и правительству. Очень большая ответственность лежит на них. Очень трудные задачи стоят перед страной. Народ ждет, народ хочет перемен к лучшему.

Этих перемен можно добиться только общим трудом, общими усилиями.

Каждое утро я иду через Красную площадь в Кремль, в зал заседаний Верховного Совета. Каждый день здесь, в зале, собираются люди разных профессий, разных национальностей, разных характеров. Но все они приносят с собой в этот зал надежды своих избирателей. И это самое главное.

Борис НИКОЛЬСКИЙ,
народный депутат СССР

КУРГАН

Валерий НИКУЛЕНКО

РАССКАЗ

Рисунки В. Лебедева

Два года прошло, как кончилась война, но многие еще жили в землянках. Деревню немцы сожгли: от домов только печки и черные обгорелые столбы остались. Наш дом тоже сгорел дотла, уцелел только выложенный из кирпича подвал. Когда с мамой и бабушкой мы вернулись из Чувашии, куда уезжали от немцев в эвакуацию, стали жить в сырой темной землянке.

Землянку нам дедушка вырыл на бугре, напротив сгоревшего дома. Спали на голых нарах, сколоченных из досок. Дедушка называл их «горбылями», потому что таскал на горбу со станции. Коптилка была сделана из гильзы от пулеметного патрона. Когда она горела, вверх тянулась тонкая струйка копоти и на потолке появлялись черные круги. Я водил по ним пальцами и, пока бабка Дарья спала, подрисовывал ей усы, бороду и очки, как у дедушки. Но ей почему-то не нравилось быть похожей на дедушку. Она называла меня «антихристом», брала чайник и уходила отмываться.

Крыша была засыпана землей, но все равно протекала, а траншея у входа часто обваливалась. Поэтому во время сильных дождей мы перебирались в землянку к дедушке. Я сразу вскакивал на кровать и начинал кататься на пружинном матрасе. Кровать была высокая, с блестящими никелированными спинками и множеством больших и маленьких шариков. Шарик я постоянно откручивал, катал по полу, а несколько штук нечаянно проглотил, когда прятал от бабушки. Она их у меня всегда отнимала и прикручивала к спинке, чтобы не заметил дедушка. Но постепенно шариков становилось все меньше и меньше, а потом и вовсе остались только большие, которые не откручивались. Но особенно мне нравилась чугушка. Бабка Дарья называла ее «буржуйкой», а дедушка «печуркой». Когда ее затапливали, в землянке становилось дымно, но потом дым рассасывался, через щели выходил наружу, чугушка начинала гудеть, по бокам и до самой трубы становилась красной. Я прикреплял к ее раскаленным бокам нарезанную тонкими кружочками картошку. Подрумянившись, картофельные дольки отскакивали. Я собирал их с пола и прилеплял другой стороной и ждал, когда снова отскочат. Они были очень вкусные, с поджаристой хрустящей корочкой.

К зиме дедушка расчистил подвал, сделал в нем потолок, крышу, застеклил два окна, навесил дверь, сложил печку, и мы стали жить все вместе в подвале, а не в разных землянках, как раньше.

В Чувашию нас отвез отец. Как ведущего специалиста по строительству дорог, его туда направили работать, но он добровольцем ушел на фронт и погиб на прорыве ленинградской блокады. А дедушка с нами не уезжал, ушел в лес и жил с партизанами, а когда немцев прогнали, вернулся в де-

ревню и стал строить дом. Но строить было не из чего — все разрушено, сожжено, и дом долго стоял недостроенным. Дедушка его по бревнышку собирал, особенно в наводнение.

Речка наша небольшая, ее так и зовут — Переплюйка. Летом, в жаркую погоду, она настолько мелеет и пересыхает, что в некоторых местах все дно видно. На спор мы как-то пытались ее переплюнуть, но в самом узком месте даже Витька Рак доплюнул только до середины. Ее можно даже перейти, если одежду держать над головой. Больше чем до горлышка вода не достает, только вот течение очень быстрое — с ног валит, а если на осклизлый камень наступишь, тебя враз опрокинет, закрутит и может даже снести в омут! Вода холодная, почти как ключевая. Все тело гусиной кожей покрывается, как только в нее ступишь, поэтому переходили мы ее в самых крайних случаях, когда в колхозный сад за яблоками лезли или в поля за помидорами или горохом. Больше частью, конечно, мы на этой стороне промышляли, а в речке только рыбу в прибрежной осоке корзинами ловили и тут же на костре ее жарили. Купаться мы предпочитали на озере, там вода теплее и простора больше, а про речку почти и вовсе забывали. Вот в наводнение — это да! Это силища! Когда Переплюйка разольется, становится как море! Конца-края не видать — бурлит, переливается, пенится, закручивается водоворотами, заливают сады, огороды и всю низину, до железнодорожной насыпи. Что только не плывет по ней: бревна, шпалы, даже целые деревья, вывороченные с корнем. А однажды прибился к берегу целый мост с перилами. Дедушка потом его на дрова пустил!

В школу во время наводнения мы, конечно, не ходили. Но зато и в клуб не могли попасть. Кино там крутили от движка, которое по частям и с перерывами, а то и вовсе показывали не до конца, если движок сломается или киномеханик раньше времени с ног свалится. В клубе было накурено, душно. После сеанса все выходили немножко очумелыми, слегка покачиваясь. А киномеханик и вовсе редко выдерживал до конца. Его волоком вытаскивали из кинобудки и отводили домой отсыпаться, а кино докручивала контролерша тетя Фрося. Лента то и дело рвалась, свет не зажигался. Мы сидели в темноте, свистели, топали ногами и кричали в кинобудку: «Сапожник! Сапожник!». Почему именно «сапожник», когда там была тетя Фрося, я до сих пор не понимаю. По пять, по десять раз одну и ту же картину смотрели, и не было большего удовольствия, чем попасть в кино. И все равно мечтали, чтобы вода подольше не спадала. Получалось: как бы дополнительные каникулы. Вот дедушка и смастерил лодку-плоскодонку. Правда, потом и у других появились лодки. Нас

стали отвозить в школу и привозить домой на лодках. Были случаи, когда лодки опрокидывались и даже тонули. Мы с бабушкой тоже на топляк наскочили, чуть не опрокинулись и, пока добрались до берега, были по колена в воде. Я не знал тогда, что такое топляк, и думал, что это тот самый утопленник, про которого рассказывала бабушка Дарья. Она говорила, что он утаскивает на дно и защекотывает до смерти. Только потом узнал, что топляк — это обычное бревно, которое плывет по течению, пока совсем не затонет. Так мне объяснила мама, когда я рассказал ей про утопленника.

Мама была совсем еще молодая и очень красивая. Работала она в городе на двух работах и жила там в каком-то подвале. Домой она приезжала очень редко. В дни ее приезда я взбирался на единственную уцелевшую от нашего сада вишню. Сидел почти на самой верхушке и глаз не спускал с дороги, которая ведет к станции. Едва завидев вдалеке маму, соскакивал вниз и со всех ног несся ей навстречу. Она бросала свои тяжелые сумки, подхватывала меня на руки, целовала и, наконец, начинала одаривать городскими гостинцами: леденцами, подушечками, пряниками, вкусными мягкими булочками с хрустящей корочкой... А если я был с ребятами, она и их угощала сладостями. Потому, завидев ее, они кричали:

— Мама идет! Мама идет...

И мы гурьбой бежали ее встречать. Потом началось самое неприятное: она долго не отпускала меня гулять, то и дело заставляла есть. Но есть мне вовсе не хотелось. Хотелось быстрее бежать к ребятам, тем более вырваться из дома удавалось не часто. Дедушка постоянно заставлял что-нибудь делать: то бревна ошкуривать, то доски подавать, то хворост рубить, то огород от кур сторожить и даже гусей пасти, хотя этим должна была заниматься бабушка Дарья. Мама не заставляла ничего этого делать, поэтому дни ее приезда были для меня, как праздники. Всякий раз, когда она отпускала меня гулять, дед недовольно ворчал:

— Распустила мальчика, будто в доме делов нет...

Дедушка был не злой, просто очень занятый, сам никогда без дела не сидел и не любил, когда другие бездельничают. До сих пор испытываю чувство неловкости, если вдруг оказываюсь без дела. Так и кажется, что он откуда-то на меня смотрит. В округе дедушка слыл большим мастером. Его постоянно приглашали то в один дом, то в другой: печки класть, крыши крыть, колодцы налаживать, даже свиней колоть. Не было минуты, чтобы он сидел без дела: пилил, строгал, тесал... Даже колеса для телег и бочки под квашеную капусту сам делал.

А однажды он смастерил мне санки с железными полозьями. Такие замечательные санки! Ни у кого таких не было. У ребят были дрыны, гнутые из железных прутьев, а у меня настоящие санки. Если хорошо оттолкнуться и лечь на них животом, то с горки они неслись, как ветер, — дальше всех. Классные санки! Я на них и хворост приспособил из кустов таскать, и по дороге ездить не хуже, чем ребята на дрынах, и даже собаку в них

запрягать. Наш Орел был настолько сильный, что его все собаки в округе боялись. А однажды ночью он сорвался с цепи и прямо в овраге, недалеко от дома, загрыз волка. И сам весь в крови приполз к дому. Дед потом ему шерсть выстригал и какой-то мазью все раны замазывал.

Как-то в середине зимы разыгралась пурга. Недели две дуло не переставая. Наш дом завалило до самой крыши. Стихло. Дед стал расчищать двор. Я привязал к саночкам Орла и стал вывозить снег. Дед похвалил нашу работу, а через несколько дней смастерил настоящую упряжку: съемные оглобельки, дугу, хомут и даже вожжи к ошейнику привязал. Орел был очень умный, много команд понимал: «сидеть», «стоять», «вперед»... Вообще-то, он все понимал, только сказать не мог. Я с ним иногда даже разговаривал через стекло, когда дедушка гулять не пускал. И он меня сразу понимал, мы с ним вместе даже плакали. Ведь его тоже с цепи не отпускали! И он понимал, как мне тяжело, как скучно сидеть дома, когда все другие люди гуляют.

Дед запряг в саночки Орла, дал мне в руки вожжи и скомандовал:

— Вперед!

И мы помчались. Сначала ехали по дороге к станции, но потом он вдруг заупрявился. Свернул с дороги и рванул напрямую — в сторону Хитрого поселка. «Хитрым» его прозвали потому, что он застраивался самовольно, между деревней и станцией. А наш дом стоял посередине: между поселком и деревней. Но я дружил больше с деревенскими. Когда случались стычки, а они случались часто, я был на стороне деревенских. Поэтому появляться одному среди хитровских ребят мне вовсе не хотелось. Я стал дергать вожжи и уговаривать Орла, чтобы он повернул обратно. Он сделал вид, что не слышит меня. И, высунув язык, во весь опор несся к поселку. На сугробах и кочках так трясло и подбрасывало, что я чуть-чуть не вывалился из санок. Добежав до поселка, он

наконец остановился. И стал обнюхиваться с какой-то собачонкой, выбежавшей навстречу.

Я соскочил с санок, отогнал ее. Вывел Орла на дорогу и хотел ехать к дому. Но он опять не послушался — помчался в деревню. Там и вовсе невозможно кататься: с каждой встречной собакой он останавливается, обнюхивается и норовит бежать за ней. Приходится соскакивать с санок и оттащить его за ошейник. Так и катались мы с ним от собаки до собаки. Только оттащишь его от одной, как тут же появляется вторая. И всегда так получалось: ехали в ту сторону, в какую он сам захочет. Но перед ребятами я делал вид, будто бы это я его туда направляю. А вот дедушка все же приспособился возить на нем молоко на приемный пункт. Когда ехали с полными бидонами, он вел его на поводке. А обратно Орел сам его с ветерком до дома докатывал. Однажды ребята решили подшутить: поймали соседского кота, закрепили возле дороги за сугробами и, когда дед подъехал, выбросили его на дорогу. Кот оцетинился. Подпрыгнул. И — рванул в сторону домов. Орел погнался за ним напрямую: по кустам, по сугробам... Бидоны разлетелись в разные стороны, саночки опрокинулись, и дед оказался в сугробе. Ребята разбежались. А мне, конечно, досталось. Он здорово мне тогда наподдал. Еще и саночки запер в сарай. Долго я его упрашивал, чтоб разрешил покататься. Было так обидно — все катаются, а мне не на чем. Но отчим подарил мне лыжи. Он принес их из воинской части. Это были настоящие лыжи — военные, с креплениями и с палками. На них наши бойцы воевали с немцами. Отчим служил в воинской части, в которой работали пленные немцы. Они строили мост через реку. До войны, как рассказывал дед, был хороший мост, но немцы его взорвали. Вот их, немцев, и заставили строить мост! Многим ребятам отчим тогда подарил лыжи. А мне принес совсем новенькие, почти без единой царапины.

О том, что у меня будет отчим, я узнал задолго до его прихода в наш дом. Не раз я слышал, как соседки судачили о моей матери, что она подолгу задерживается в городе, а ребенка на стариков бросила, называли меня бедной сиротинкой. Обидно и больно было слышать о своей матери такое.

— Неправда! Неправда! Моя мама очень хорошая!

— Хорошая... — ухмылялись женщины и говорили о ней всякие нехорошие слова.

— Она самая лучшая. Она — Праздник! — кричал я, заливаясь слезами.

— Появляется по выходным, как красное солнышко. Вот ему и кажется праздник, — насмеялись женщины. Особенно усердствовала Глушанчиха. Когда-то, еще до войны, они с матерью были подружками. А потом поругались. И меня она, Глушанчиха, невлюбила. Даже своему сыну Петьке водиться со мной не разрешала. Тут еще ребята стали дразниться и насмехаться.

Заливаясь слезами, я прибежал домой и все рассказал бабушке. Деду в этот день нездоровилось. Он лежал на печке и все слышал.

— Кто это так говорит? — спросил он.

— Глушанчиха, — еще больше расплакался я.

Дед молча слез с печки, натянул сапоги, снял со стены кнут и вышел. Бабушка выбежала за ним, но тут же со слезами вернулась. Легла на кровать и стала плакать. Я стал ее успокаивать, но тоже ревел во весь голос. Так мы с ней и плакали, пока дед не вернулся. Он зашел в дом, повесил кнут и, стаскивая сапоги, сказал:

— Будет знать, как дразниться!

— Что ты натворил, заполошный? — спросила бабушка.

— Глушанчиху кнутом отходил. Не будет язык распускать. И Силименчиху пару раз хлестанул.

В тот же день вечером мужики пришли говорить с дедушкой. Он их не испугался, взял ружье и вышел на улицу. Зато бабушка сразу испугалась. Бабка Дарья завывала в голос. А бабушка схватила ухват и бросилась на мужиков. Дед за ней... Мужики побросали колья — и разбежались, кричали издали, погрозились и разошлись по домам.

Утром дядя Коля, муж Глушанчихи, пришел мириться с дедушкой. Дед пошел в погреб. Они сели за стол и стали разбираться, из-за чего так получилось. Потом ушли к Силименковым. И так три дня ходили друг к другу...

Эх, благодать! Все эти три дня, пока они мирлись, с утра до ночи я бегал на улице. А с Петькой Глушанковым при всех ребятах мы бились на кулачках. На кургане. Победил Петька — нос мне разбил. Но и я ему здорово под глаз засветил! Дальше драться нам ребята не разрешили. Разняли и заставили обняться. Потом мы еще несколько раз бились, я ему тоже нос квасил, но это было уже не из-за мамы.

Отчима, слушая разговоры и пересуды соседок, я заранее ненавидел. Каждый раз, когда о нем слышал, начинал фантазировать: то в клетку с тигром запираю, то заводил далеко в лес и оставляю на растерзание волкам, то запираю в большой сундук и сталкиваю в реку.

Когда первый раз он появился у нас в доме, я даже не догадался, что это и есть мой отчим. Вся грудь в орденах и медалях, блестящие хромовые сапоги. Именно таким я представлял своего отца, но не отчима.

Он подошел ко мне, погладил меня по голове и вручил мне игрушечный пистолет. Он стреляет присосками. Такой пистолет был у Вовки Гришанова. Но мы с такой пшикалкой никогда не играли. У нас было два настоящих пистолета, винтовка со штыком, три каски и пулемет, еще почти целый. Только ствол чуть-чуть покореженный. Мы его в лесу подобрали и никому об этом мы не рассказывали. Это была наша военная тайна!

— Ну вот, сынок, я твой папа. С войны вернулся. Теперь будем жить вместе, — сказал он, взял меня на руки. И еще поцеловал. Тут я вдруг догадался, что это и есть тот самый ненавистный отчим, про которого женщины говорили.

— Вас таких пап много по свету, — сказал я. — Мой папа погиб на войне. Ты чужой! — крикнул я. Бросил его пистолет, сорвал со стены фотографию отца и выскочил на улицу.

Побежал я не в сторону деревни, а к лесу. Долго бежал: до темноты, пока совсем не выбился из сил. Упал под какое-то дерево и сразу там уснул.

К утру я так продрог, что зуб на зуб не попадал от холода. Проголодался. Пошел наугад — как мне казалось, в сторону деревни. Но забрел я в такую чащу, что едва продирался сквозь мокрый колючий малинник. Промок я до ниточки. Но от ходьбы немного согрелся. Чем дальше я шел — гуще и непрогляднее становились кусты. Деревья стояли хмурые, незнакомые. Мне сделалось страшно. За каждым кустом мне стали мерещиться волки. Я стал плакать, кричать... Но никто не отзывался. Хотелось лечь, спрятаться под кустом и лежать неподвижно. Но вдруг я заметил за кустами про-

свет. Прошел несколько шагов и увидел курган. Думал, что нахожусь очень далеко, а на самом деле был я совсем рядом с деревней, но только с другой стороны. Я обрадовался и со всех ног бросился к дому!

Матери и отчима дома не было. Они всю ночь искали меня, потом ушли на работу. Бабушка обрадовалась, бросилась навстречу. Но дед задал мне трепку!

— Чтоб другой раз без спроса не убегал! Кнутотм отстегаю! — пригрозил он.

Больше я никогда не уходил из дома без спроса. Но с отчимом держался отчужденно, сторонился его, хотя понимал, что он ко мне относится хорошо, хочет подружиться. Фабричную леску, настоящие

кованные крючки с талом и красивый поплавок из пробки он мне насовсем отдал. Для меня это было целое сокровище! Крючки мы обычно делали из булавок или иголок, но они получались без закусинки, а леску вязали из конского волоса, который надергивали из лошадиных хвостов, а то и вовсе суровую нитку привязывали к удилищу из орешника. И гостинцы он мне приносил, и в кино отпускал. Но все равно, как только он появлялся в доме, я чувствовал себя стесненно и под разными предлогами старался уйти из дома.

Дед неожиданно встал на мою защиту:

— Пусть переберется, — говорил он бабушке и отпускал на деревню. И не ругался, если я оставался ночевать у кого-нибудь из ребят. Он не заставлял меня называть отчима папой. А вот бабушка постоянно уговаривала, чтобы я его так называл. Я старался, а вот как-то не получалось: не мог я произнести это слово, язык не поворачивался. Я называл его дядей Гришей. Или вообще никак не называл. Больше всего я боялся за мать, думал, что соседки опять будут ее оговаривать, а меня называть бедной сиротинкой, что мне очень не нравилось. Но они молчали, и ребята перестали дразниться. Тогда у многих ребят появились отчимы. А у кого не было, так они, наоборот, нам завидовали, потому что отчимы приносили нам лыжи и военные пайки. А голод был страшный! Многие ребята по весне, как только стает снег, ходили с корзинами по полям и из пахотной грязи выбирали перемерзшую картошку. Ее промывали, перемешивали с мякиной или травой и пекли сухие лепешки. У нас их звали «тошнотиками». Тогда некоторые только этим и питались. Мы не хвастались друг перед дружкой пайками. Среди ребят отчимы ценились у нас за лыжи. Только у Петьки Самсонова отчим был железнодорожник, но он тоже где-то достал ему лыжи.

На лыжах я катался здорово. С любой горки съезжал — только с кургана побаивался. И никто съехать с кургана не решался! Даже на дрынах — и то с половины катались. Но однажды я все же осмелился.

Бабка Дарья рассказывала, что на месте кургана когда-то стояла церковь. А потом вместе с людьми под землю она ушла. Это была страшная цер-

ковь. Я потом расскажу ее, эту историю. Вообще-то издали курган действительно напоминал церковь: тонкая, острая верхушка с небольшой ровной площадкой, будто бы срезанная колокольня, крутой, почти отвесный спуск, небольшое плечо, как трамплин, и снова отвесный спуск, постепенно переходящий в ровный пологий склон.

По распадку, между курганом и противоположным холмом, проходила наезженная санная дорога. Когда на нее несешься — дух захватывает от страха. А ну как на самой дороге хряснешься! Она же как лед накатана. Мы на коньках и драндулетах по ней катались. Лучше уж в мягкий снег упасть, чем на дороге. На спор кое-кто съезжал с половинки до конца. Почти до верхушки противоположного холма с разгону подсакивали, перевертывались и снова перескакивали через дорогу на курган.

Как-то раз отчим ехал со службы на лыжах, остановился и стал смотреть, как мы катаемся. Ребята сразу стали друг перед дружкой выхвально, класс езды перед отчимом показывать. А Вовка Гришанов, он всегда любил пофорсить перед взрослыми, почти с самой половинки съехал. Несколько раз, как маятник, туда и обратно дорогу перескочил.

— Дядя Гриша, а вы смогли бы съехать, как Вовка? — спросил я.

— Кто его знает, давно уже с горок не катался. А ты съедешь?

— Нет. Я боюсь...

— Чего там бояться! Главное, не трусь и нарочно не падай.

— А вот вы с самой верхушки съедете?

— Можно разочек попробовать, — согласился он и стал елочкой подниматься на курган.

— С верхушки ни в жисть не съедет, — усомнился Вовка.

Снега на отвесном склоне верхушки не было, только тонкая заледенелая корочка. Сквозь нее проглядывала пожухлая прошлогодняя осока. Верхушка кургана и летом почти голая — трава и редкие кустики дубняка растут ниже, на пологих склонах. Зато на верхушке растет чеснок. И еще дикая клубника. Она с мелкими сладкими ягодами. Но пока до нее доберешься, все руки и ноги изрежешь об осоку.

Елочкой он дошел только до половины. Потом стал медленно взбираться лесенкой, сильно налегая на палки. Перед самой верхушкой несколько раз оскальзывался, съезжал юзом почти до самого плеча, но все же удерживался на ногах и снова начинал взбираться вверх. Больше всего я боялся, что он спустится вниз и съедет, как мы, только с половинки. Ребята сказали бы, что он струсил, а мне хотелось, чтобы они увидели, какой бесстрашный у меня отчим. Сделав несколько попыток, он все же взобрался на самую верхушку.

Все затаили дыхание. Даже спорить перестали: доскочит или не доскочит до вершины противоположного холма. Когда глянешь вверх да представишь, что оттуда надо съехать да еще через дорогу перескочить, — жутко становится.

Издали он казался совсем маленьким. Словно игрушечным.

Я смотрел на маленького человечка, застывшего над кучей, и почти не дыша твердил как заклинание: «Только бы не струсил! Только бы не струсил! Только бы не стал спускаться...» Я понимал, как ему тяжело было подняться на курган. Ведь у него восемь ран. И левая нога в двух местах насквозь прострелена. В душе сочувствовал ему и сожалел, что из-за меня так получилось. Но все равно хотел, чтобы он съехал.

Он постоял немного, как бы прицеливаясь, оттолкнулся, присел и скользнул вниз. От плеча, почти до самой дороги, пролетел по воздуху (мы потом лыжей замеряли, насчитали двенадцать с половиной лыж), проскочил дорогу, взметнулся почти до верхушки холма, развернулся и наискок, притормаживая, стал съезжать к нам.

— Вот это да! Класс! — восхищались ребята.

— Он на войне не с таких горок съезжал! Когда немцев бил... Вон у него сколько всяких боевых наград, — с гордостью пояснил я.

В этот день я первый раз назвал его папой. Потом привык и не мог называть его по-другому. А когда его перевели в другую часть и мы стали жить в военном городке, никто даже не знал, что у меня не родной отец. И сам я никогда об этом не думал. Вот только слова «Нарочно не падай» — запомнились на всю жизнь. В любом деле, в самую трудную минуту, когда хочется смалодушничать, отступить, бросить, я повторял эти слова. Откуда-то появлялись силы. Порой и сам удивлялся — сделано, казалось бы, невозможное.

И с кургана я все же съехал. Не сразу, конечно. Сперва с половинки попробовал, переборол в себе страх и перескочил через ледяную дорогу. Еще несколько раз съехал, а потом и вовсе перестал бояться дороги. А когда осмелели и стали съезжать с самой верхушки, сделали перед дорогой большой трамплин и перелетали ее по воздуху.

Давно уже нет отчима, и живу я в другом городе, далеко от кургана, но всякий раз, когда приходится трудно, закрываю глаза и вижу курган, его непреодолимую кручу и слышу голос: «Только нарочно не падай!» Кажется, будто бы это голос самого кургана.

ЖИВАЯ ВОДА

Воины РАДУГИ

Сергей ЦВЕТКОВ

У одного из американских племен существует народное сказание о том, что, когда наша планета будет находиться на грани гибели, придут воины радуги и спасут ее от беды. Эта легенда во многом вдохновила международную организацию «Гринпис» (в переводе с английского «Зеленый мир») для действий по спасению Земли от угрозы ядерной войны и экологической катастрофы. Они даже свой флагманский корабль назвали — «Рейнбоу Уорриор» (воин радуги).

Интересна судьба этого корабля. Весной 1985 года он отправился в плавание к атоллу Моруроа в Тихом океане, месту французских ядерных испытаний, отправился, чтобы остановить готовящийся там подземный взрыв. Но перед этим «Рейнбоу Уорриор» должен был посетить Маршалловы острова. Дело в том, что к организации «Гринпис» обратилось население острова Ронгелап, которое сильно страдало от радиоактивного заражения. Недалеко от него американцы проводили ядерные испытания. За две недели гринписовцы перевезли 308 островитян вместе с пожитками на соседний остров Меято. После выполнения этой гуманитарной миссии «Рейнбоу Уорриор» отправился в порт Окленд для подготовки к плаванию на место испытаний. Однако плавание корабля пресекли два мощных взрыва бомб, прикрепленных к днищу корабля. Судно затонуло вместе с одним из членов экипажа — Фернандо Перейрой.

После этого трагического происшествия гринписовцы решили восстановить это судно во что бы то ни стало. И вот обновленный «Рейнбоу Уорриор» 24 июля 1989 года прибыл в Ленинградский порт. Что греха таить, ведь раньше такой визит был попросту невозможен. Ведь члены этой международной организации смело бросались наперерез любому военному кораблю, если узнавали, что он несет ядерные боеголовки. Не обходили они своим вниманием и наши корабли.

А вот теперь, как сообщил прибывший вместе с гринписовцами народный депутат СССР, член-корреспондент Академии наук СССР Алексей Владимирович Яблоков, у нас в стране создано советское отделение «Гринпис». Для того чтобы можно было финансировать его деятельность, была выпущена пластинка. Воины радуги смогли

ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА • ЖИВАЯ ВОДА

сагитировать многих знаменитых певцов, чтобы они бесплатно записали свои песни. Эта пластинка была выпущена у нас в стране фирмой «Мелодия». Вы, наверное, видели ее в магазинах. Деньги, вырученные от ее продажи, пойдут на спасение Арала, Волги, решение экологических проблем Ленинграда и многие другие дела. И во многом — для развития в нашей стране и детского экологического движения.

На встрече, организованной на борту «Рейнбоу Уорриор» для ленинградской экологической общественности, Алексей Владимирович Яблочков обратился и к нашим юным «зеленым»:

— Дорогие ребята! Сейчас мы говорим, что экология, охрана природы, становится делом очень важным, может быть, даже самым важным для того, чтобы наша страна могла спокойно развиваться и жить. Сейчас сокращается продолжительность жизни в тех районах, где много промышленности. В воздух постоянно выбрасываются ядовитые вещества, отравляется вода. В нашей великой реке Волге она уже непригодна для питья. Это удивительно для нас, людей старого поколения. А вам с этим придется жить. Мы не хотим, чтобы вы жили меньше, чем мы. Не хотим, чтобы вы болели больше, чем мы болели. Но так будет, если мы не будем бороться за чистоту нашей природы!

Чем бы могли помочь вы, ребята? Конечно — ваша главная задача — учеба. Но нужно учиться не для того, что так требуют родители или учителя. Знания в первую очередь необходимы для того, чтобы правильно спасать нашу природу.

Я вам назову четыре основных закона экологии. Закон первый: все связано со всем. То есть все живое и неживое на нашей планете связано друг с другом. Второй закон: все должно куда-то деваться. Это значит — что бы человек ни произвел, он должен думать о том, что это останется в природе. Третий закон: природе ничего не дается даром. Любое наше действие обязательно скажется на состоянии природы. И четвертый

закон: если у нас что-то не получается, то оставим это для природы — она может это сделать лучше. Вот такие четыре афористических закона экологии существуют.

Конечно, есть еще много законов, которые вы должны знать, чтобы уметь бороться. Но вы должны не только учиться, не только теоретически знать, как можно помочь природе, — нужно обязательно делать какие-то конкретные дела. И таких дел много. Можно всем классом или всей школой взять шефство над какой-то речкой или ручьем, расчистить ключ или родник. Сейчас огромная проблема для нас — потеря малых рек. Запрещено, скажем, вырубать лес в ста — двухстах метрах от берега или распахать поле, но мы вырубам лес и распахаем поле аж до уреза воды. Потом эта обнаженная земля смывается дождями и заливает реку. И она погибает. Попробуйте спасти такую речку. Если вы расчистили родник, то не оставляйте его, постоянно наблюдайте за его чистотой. И если таких родников будет много, то мы сможем восстановить те сотни тысяч загубленных речек по всей стране.

Вы можете взять под свое шефство какую-нибудь рощу или парк. Существует древний обычай — каждый человек должен посадить дерево. Мы деревьев сажали очень много, да только не все они выросли. Не делайте таких же ошибок. Не просто сажайте деревья, а ухаживайте за ними. Возьмите шефство над первоклассниками и посадите вместе с ними деревья, чтобы они на протяжении всей дальнейшей учебы в школе следили за ними. Тогда это дерево будет расти, если десять лет за ним с любовью будет наблюдать один и тот же человек.

Вот из таких небольших, на первый взгляд, дел сформируется ваша гражданская позиция. Вы станете настоящими людьми, которые будут защищать и беречь природу и никогда не станут бездушными исполнителями чужих приказов. Побольше проявляйте собственную инициативу. Я вам желаю успеха на этом пути.

ТВОРЧЕСТВО ТВОИХ СОВРЕСНИКОВ

«Давно пишу стихи,— сообщает о себе **Наташа Шишкина**.—
Посылаю тебе, «Костер», свои последние работы».
Наташа живет в Ленинграде и учится в школе № 261.

ВЕСЕННЕЕ

Все чаще луг цветущий снится мне.
Проснусь — мороз рисует на окне.
Скрипят пером февральским ночь и день,
А я протру глазок в своем окне.
С той стороны весна мне помогает,
Подует теплым ветром — лед растает.
Вот так мы с ней работаем вдвоем:
Мороз напишет — мы с весной сотрем.

Когда **Таня Пучинина** училась в четвертом классе, учительница русского языка и литературы вела в школе поэтический кружок. К сожалению, через год она уволилась. Однако Таня стихи писать не бросила. И, нам кажется, очень хорошо, что не бросила.

Таня живет в Барнауле и учится в 6-б классе школы № 27.

ПРОЩАНИЕ С МОРЕМ

Плыву я с монеткой,
Зажатой в руке.
От берега брошу
Ее вдалеке.
Стою у причала
И тихо пою,
И кружатся чайки
Под песню мою.

Олеся Козлова из поселка Кавалерово испытала горечь прощания с другом. Об этом — ее рассказ.

КУСЯ-ОБЫКНОВЕННАЯ ЛОШАДЬ

Куся — кобыла-трехлетка, очень красивая, с добрыми глазами, как у всех лошадей. Куся идет гордой походкой, подняв голову, смотрит свысока. Увидев меня, она останавливается, подходит поближе, тянется мордой к моим рукам, но у меня в руках ничего съестного нет. Я быстро бегу и возвращаюсь с куском хлеба, потом мы идем на речку купаться.

За лето мы крепко подружились с Кусей.

Когда мы вернулись с речки, возле дороги стоял грузовик. Я спросила у бабушки, в чем дело, но она не сказала. Тогда я побежала в загон к лошади. Я опоздала. Кусю выводили, и она смотрела на меня с недоумением. И вот она стоит в грузовике привязанная.

Грузовик тронулся, я бежала за машиной сколько могла. Куся смотрела на меня добрыми печальными глазами, и мне показалось, что из глаз у нее ползет слеза. Да-да, не удивляйтесь, она плакала. Лошади тоже умеют плакать.

Очень тяжело терять друзей.

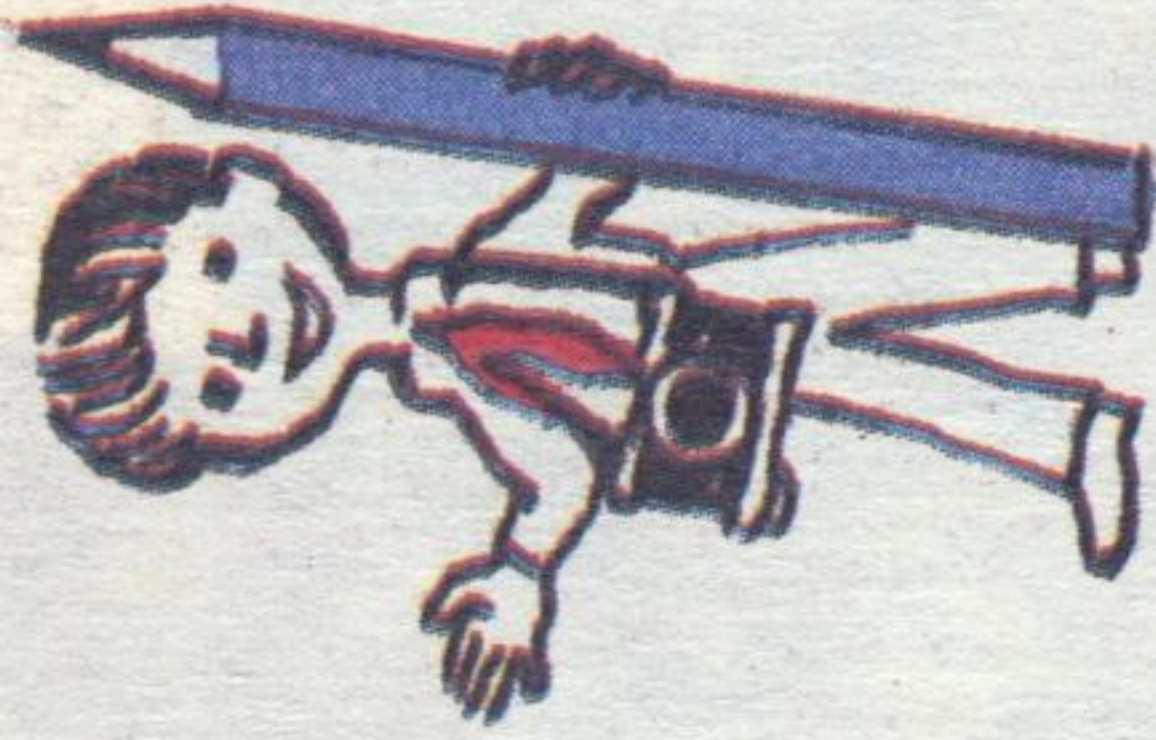
Рисунок **К. Почтенной**

МАРШАЛ

ЖУРНАЛ
ПЕЧАТАЕТ
ТВОИ
ЗАМЕТКИ,
РИСУНКИ,
СТИХИ

Эх,
была бы я
москвичкой!

Почти каждое лето мы с мамой бываем в Москве. Когда уезжаем, я реву: не хочу домой! Мама говорит: «Ты не любишь свой город!»

Наверное, и вправду не люблю. Какие счастливые москвичи, ленинградцы! У них театры, музеи, дворцы — столько всего, что голова кружится. А у нас ничего. Только кино.

В московском метро услышала разговор двух подружек-москвичек. Одна другой говорила: «Ты что, собираешься все лето сидеть в Москве?» Да я бы за такую возможность не знаю что отдала.

Но выбраться из провинции почти невозможно. Даже в вузы столичные, я слышала, берут в основном москвичей. Значит, если не повезло родиться в большом городе, так и будешь всю жизнь прозябать? Разве это справедливо?

Лена Иванова,
8-й класс,
Таджикская ССР

Хочу домой!

Нашу деревеньку не найти ни на одной карте, да и не деревенька это, а крошечный поселок, всего-то в нем 35 домов. Даже школы нет. Вот и возят нас, 9 школьников, в Абрамовку, в интернат — на целую неделю! Как сирот! Неужели нельзя сделать так, чтобы мы жили дома?

Г. Фролова,
пос. Хлебороб,
Воронежская область

«Да», Артек»
Нет денег

Как отличнице учебы и активистке райком комсомола поделил мне путевку в Артек. Но стоит она 250 рублей! Ровно столько, сколько получает мой отец за месяц. Мама сидит дома с маленьким ребенком. В семье у нас трое детей.

Разве могут родители приобрести мне такую путевку? Что же это за награда такая, которую далеко не каждый может принять?

Айдаана Ооржан,
6-в класс,
Мажалыкская средняя школа № 1,
Тувинская АССР

А если бабушка не ветеран?

Наверное, у меня никогда не будет велосипеда, а мама будет стирать только в тазу. Ведь велосипеды, стиральные машины, хорошие цветные телевизоры у нас продают только участникам и инвалидам Великой Отечественной войны. Я согласен, эти люди, конечно, их заслужили. Но как же быть остальным?

Сергея Громова,
11 лет,
Ленинград

Макулатура есть,
а где тетради?

Каждый ученик нашей школы приносит не меньше трех килограммов макулатуры. Но где же тетради и дневники? Их приходится «ловить» в магазинах. Куда же идет наша бумага?

Настя Козлова,
5-й класс,
24-я школа,
г. Мурманск

Как жить по справедливости! —
Вот главный вопрос, который
сегодня обсуждают юнкоры

Кто подумает
об улице

Наше село очень большое. У всех имеются сады, хорошие дома, у некоторых даже двухэтажные. В домах и во дворах у всех чисто, красиво, а об улицах никто и думать не хочет.

На улицах так грязно! Цельный день ходят коровы, как будто это сарай! Машины у всех есть, а улицы не асфальтированы, тротуаров у нас нет. Каждый думает о себе. Но ведь мы все — жители одного села. Почему люди не понимают, что оно не чье-то, а их собственное, как их машина, дом, сад?

Бубушай Абакарова,
село Чиркий,
Дагестанская АССР

Что ты думаешь

О перестройке

Такой вопрос прозвучал несколько месяцев назад со страниц «Костра». И не бывает дня, чтобы почта не принесла хотя бы одного письма в ответ на него.

Закончилось — то

можно высказаться!

Я выписываю ваш журнал уже 4 года и ни разу не видела, чтобы вы затрагивали темы, которые не относятся к пионерской организации. Такие темы, как «перестройка», «гласность», «бюрократия», обсуждаются только во взрослых газетах и журналах. Но я очень рада, что и детям наконец дали возможность высказать свое мнение об этих проблемах. В пятом номере журнала вы начали такой разговор.

Лично я не видела ни одного шага вперед, который бы сделала наша страна после того, как в речах часто стало звучать слово «перестройка». Я читаю много газет и интересуюсь событиями в стране, но никакой перестройки не вижу ни в школе, ни в стране, ни в пионерской организации.

Женя Савчик,
7-а класс,
96-я школа,
Москва

Мы устаем от слов

На первых порах мы с мамой не отрываясь следили за съездом народных депутатов. На словах Литва дралась с Россией, генерал Родионов с грузинскими депутатами... А потом мы перестали смотреть: надоело! Слишком уж много слов, а дела мало.

Разве это перестройка, если кооператоры покупают что-то у государства, а потом продают в тридорога? У нас в Пскове многие считают, что Закон о кооперации — ошибка. Ну, товарищи, сами подумайте, что здесь хорошего для рядовых граждан? На каждом ценнике написано «кооп» (значит, кооперативная цена), а все «кооп» да «кооп», а где же изделия, которые выпускает государство? Цены поднимаются с каждым днем, а зарплата у мамы остается прежней. Вот так.

Хозяин,
12 лет,
г. Псков

А нам нравится!

У нас в школе для ребят шестых-седьмых классов открылись два кооператива — «Пуговка», где девочки шьют платица для мальчишек, и — он еще без названия — кооператив, где мальчишки делают ящички для рыбацких снастей. Нашу продукцию с удовольствием берут магазины, и покупатель быстро все раскупают.

Каждая девочка шьет в месяц по 10—15 платишек. Одно платице стоит около 4 рублей.

Деньги, которые мы получаем, перечисляются в фонд школы, часть денег пошла на ремонт.

Некоторые не хотят работать в кооперативе, но мы их силком не заставляем: не хотят — не надо, а нам нравится!

Маша Гордеева,
г. Куйбышев

Вот так строго и запальчиво судят ребята перестройку. Говорят: все слова, слова... Но как же без них? Как начать лечить болезнь, не договорившись о лекарствах, методах лечения, не поставив диагноз и не измерив температуру? Вся наша страна напоминает сейчас большой медицинский консилиум, который ищет средства, как быстрее, эффективнее, без осложнений вылечить давно запущенную болезнь...

Устали от слов? Но не благодаря ли перестройке вы их обрели — заговорили смело, открыто, обо всем? Не слова ли обеспечили стране такие огромные — важнейшие! — решения, как вывод советских войск из Афганистана и повышение пенсий? Странно, как это следящая за газетами и событиями в стране Женя Савчик попросту «не заметила» этих событий! А не слова ли помогли родиться школьному кооперативу?

Какие еще «перестроечные» дела родятся в вашей школе, в вашем поселке, в вашем городе и от вас, ребята, зависит.

Пишите в «Барабан» о том, что вы сами попробовали изменить, кто помогает, а кто мешает вашим начинаниям.

Не по карману

Однажды я увидела в магазине блузку красивую, а как посмотрела на цену — так и ахнула! Не по карману она нашей семье... И многим не по карману.

Мне непонятно, почему тот, кто честно трудится, не может купить себе вещь, которая ему нужна, которая нравится? Ведь не машина же это, а всего какая-то блузка...

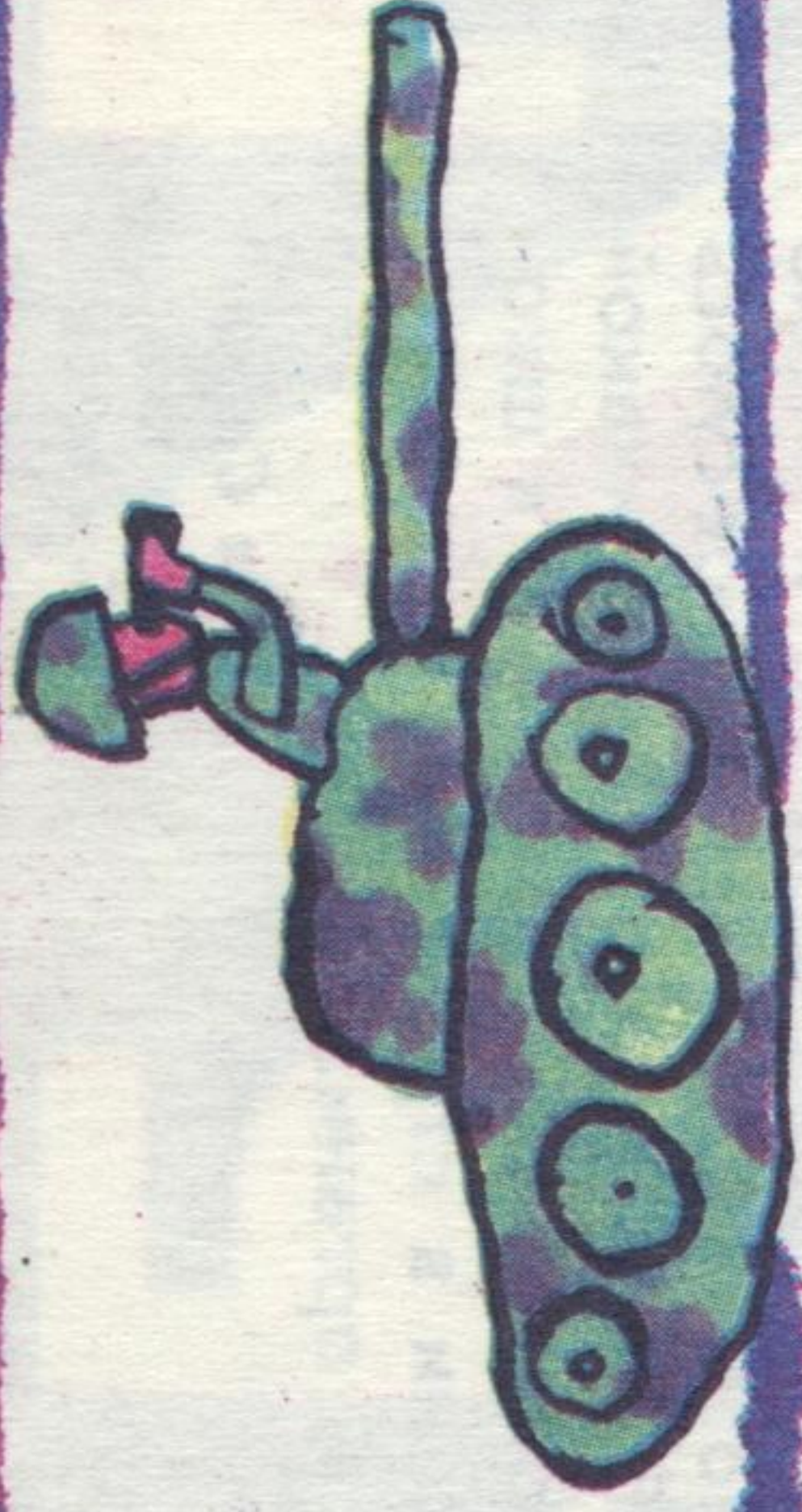
Оксана Панина,
5-й класс,
г. Павлодар

Как добиться, чтобы и в маленьком поселке, и в столице у ребят и у взрослых были одинаковые возможности и для учебы, и для отдыха, и для развития личности? Что сделать, чтобы покупка обыкновенной блузки не выбивала семью из колеи на целый месяц? Как помочь тем, кто не может платить за занятия музыкой, теннисом, фигурным катанием? Как всем членам общества обеспечить равные возможности?

Над этим вопросом ломают головы экономисты и филологи, историки и социологи. Всем ясно: так больше нельзя! Всем ясно: надо по-другому! Но как к этому «другому» прийти? Ученые спорят, размышляют, ищут ответы на трудные вопросы. Но наверняка и у читателей «Барабана» есть свой взгляд на эту проблему.

Ждем писем!

Объявляю войну!

Каратэ-для справедливости

Я очень много раз видела, как ни в чем неповинные, но имеющие меньше сил, чем другие, очень сильно страдают. Взрослые парни могут пристать к девушке или мальчишку заставят делать то, что ему не хочется. Мне хотелось помочь тем, к которым пристают, но я не могу.

Для себя я решила научиться приемам каратэ. Ты, наверное, «Барабан», скажешь, что нужно не так, что нужно им объяснить. Но это никому, кого я пробовала остановить словами, не помогает. Наоборот! Я «хорошо» за это получила. Вот и решила бороться за справедливость не только на словах.

Люда Осипенко,
с. Яснополье,
Одесская область

Я буду им вредить!

Я против кооперативов. Они требуют с людей огромные деньги, у них бешеные цены! Дальше мы терпеть не можем! Кооперативщики и бюрократы стали у нас богачами.

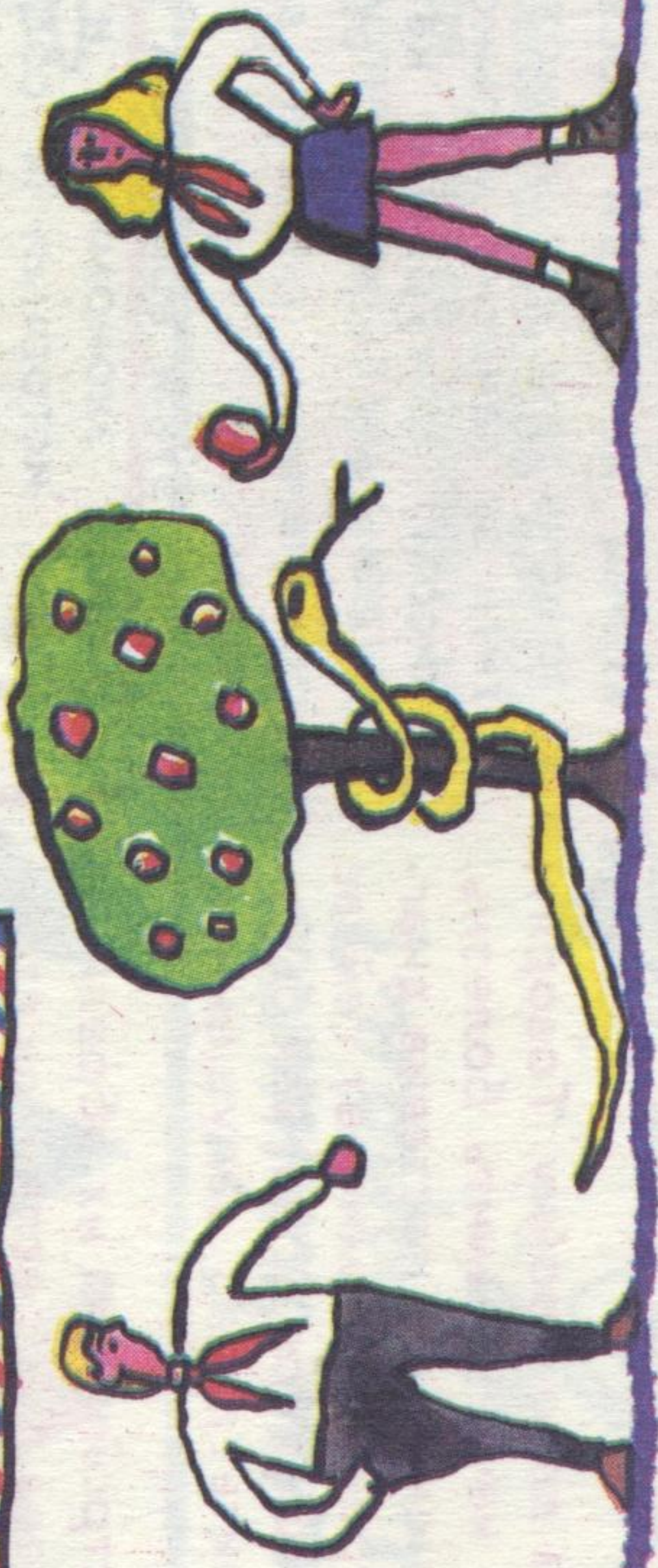
Напечатайте мое письмо, а то я начну вредить кооператорщикам!

А. Б.,
4-й класс,
Кировская область

Не слишком ли буквально восприняли Люда и загадочный А. Б. из Кировской области выражение «Добро должно быть с кулаками»? Принесет ли их «война за справедливость» желаемый результат? Как вы думаете?

Все уже пишут
о сексе,
а вы...

В этом году я выписала «Костер» и очень пожалела — в нем нечего читать. Почему бы вам не открыть на страницах журнала рубрику «Музыка и ты», в которой рассказывать о «звездах», которыми увлечены ребята? Нужно увеличить рубрику «Советы Маши-искусницы», писать в ней побольше о моде для подростков. Можно придумать множество интересного, а вы не шевелитесь!! Ваш журнал предназначен для подростков, а о нас ничего нет в «Костре». Вы вообще ничего не пишете о любви, о дружбе, об отношениях. Многие журналы открыто пишут о сексе, а вы! Может, вы боитесь? Надеюсь, вы исправитесь, и ваш журнал начнут с интересом читать все подростки.

Наташа Р.,
г. Иртышск,
Павлодарская область

А вы согласны с Наташей? Стоит ли «Костру» догонять другие журналы по количеству «запретных» тем?

Постройте и к нам мост!

Почему телемосты с США и другими странами бывают только у московских и ленинградских школьников? Разве нам нечего рассказать своим ровесникам за рубежом? Мы тоже хотим встретиться с ними, хотя бы по телевизору. А о поездках и говорить нечего! Выходит, поездки за границу — привилегия ребят из больших городов. Обидно!

О. С.,
8-й класс,
Карагандинская область

Пишите — напечатается

В нашем классе выходит настоящий журнал. Он называется «Разное о разном». Издает его группа девочек, я — редактор отдела писем, ведь ребята пишут нам.

Есть у нас в журнале страничка для хозяюшек, литературная, пионерская, поздравительная, конкурсная странички. Недавно появилась «Школа смеха».

Наш журнал не имеет только КИДа, но очень хочет подружиться с ребятами из других городов и из-за рубежа. Хотелось бы обмениваться мыслями, мнениями, больше знать друг о друге.

Пишите по адресу: 144010, Московская область, г. Электросталь, ул. Западная, д. 4-б, кв. 3б.

Света Померанцева,
10 лет

Ответьте, знатоки Болгарии!

Я собираю различные материалы о Болгарии, изучаю ее историю. Хотела бы, чтобы откликнулись ребята, которые интересуются этой страной. С помощью переписки мы сможем обмениваться интересной информацией.

Мой адрес: УССР, 316031, г. Кировоград, ул. Попова, д. 9, кв. 138, Бойко Вере.

Сколько у меня однофамильцев?

Хочу переписываться со своими однофамильцами. Пожалуйста, пишите. Постараюсь всем ответить.

Наташа Мещерякова,
14 лет,
334710, Крымская обл.,
п. Кировское,
ул. Днепровская, д. 53

Листочко "Фарабана"	..... И..... ШКОЛА.....
1	Что изменилось в твоей школе за последние год-два? Какими переменах ты рад, а какими нет?
2	Какое участие в управлении твоей школой принимают ребята?
3	Кого из своих учителей ты считаешь современным человеком?
4	Что бы ты непременно запретил в своей школе, а что обязательно постарался бы сделать?
Напишите, пожалуйста, своё имя и фамилию, адрес и номер школы.	

Медетские В?ПР?СЫ

Над почтой «Барабана»
размышляет
Юрий Васильевич ПОПОВ —
народный депутат СССР,
заместитель директора
психоневрологического
научно-исследовательского
института
имени В. М. Бехтерева

— Юрий Васильевич, некоторые взрослые, прочитав сегодняшний выпуск «Барабана», наверняка скажут: «Ну вот, уже и дети лезут во взрослые дела! Какое они имеют право критиковать перестройку, если пока ничего не сделали сами!» А как оцениваете эти письма вы?

— Считаю их совершенно естественными. Право на свое мнение должен иметь каждый человек, в том числе и еще не взрослый. Ну и что, что он еще несовершеннолетний? Он ведь так же, как и все остальные, ежедневно сталкивается со всеми проблемами, которые есть в нашей жизни. Слышит разговоры старших, смотрит телевизор, читает газеты и, разумеется, делает свои выводы. Возможно, иногда эти выводы слишком категоричны, как у Жени Савчик, например, но такова уж психика 13—14-летнего человека, что он не признает полутонов. Убеждать ребят надо не лозунгами, а фактами. Жене могут не нравиться темпы, которыми идет перестройка. Но вывод советских войск из Афганистана — это факт! И повышение пенсий. И увеличение мамам отпуска по уходу за ребенком. Как врач я, например, считаю этот шаг перестройки чрезвычайно важным.

Может, Женя просто не знает об этих фактах?

— А может быть, строгость и даже запальчивость ребят в суждениях связана с тем, что перемены пока не коснулись

конкретно их жизни, их семьи, школы?

— И это верно. Лозунг «Все лучшее — детям» звучит сегодня фальшиво. И ребята это понимают. Ведь не им пока предназначены лучшие здания, лучшие товары, лучшие больницы. Даже в той сложной ситуации, в которой оказалась сейчас страна, то лучшее, что у нас есть, мы должны отдать детям. Во-первых, потому, что есть такие области знаний, которые с легкостью усваиваются именно в детстве. Иностраный язык, программирование — это все ребята щелкают, как семечки, а взрослые... А во-вторых, даже чисто экономически выгодно вкладывать средства в детей — их образование, здоровье, воспитание. Все, что общество вложит в детей, оно сторицей получит через 10—20 лет, когда эти дети станут взрослыми.

Вот почему так важно именно сейчас дать ребятам и компьютеры, и книги, и театры, и поездки. Чтобы выросли они другими! Чтобы не мирились с тем, что мы называем «вчерашний день».

— Но как это сделать, Юрий Васильевич! Пока-то в тысячах школ нет не только компьютеров, но и телевизоров, а в Домах пионеров «ассортимент» кружков ограничивается подчас «мягкой игрушкой» и «выжиганием». Те немногие серьезные и интересные кружки, которые действительно привлекают ребят, оказываются

не по карману их родителям: спортивные секции — платные, музыкальные школы — за деньги, иностранный язык, компьютерные игры, туристские поездки — это опять деньги! Похоже, что так уважаемый взрослыми хозрасчет стал чуть ли не главным врагом ребят. Бесплатные кружки его величеству хозрасчету не выгодны! Но, согласитесь, далеко не каждая семья может ежемесячно платить по 40—50 рублей за занятия детей.

— Да, это так. У меня у самого трое детей, и когда сынишка стал заниматься в платном бассейне, это сразу отразилось на бюджете семьи. А ведь есть родители, которые просто не могут найти нужной суммы.

Вместе с группой народных депутатов я подписал на Первом съезде обращение в защиту детства. Мы предлагаем принять законопроект об отчислении государством определенной суммы на социальную поддержку подростков, в том числе и на содержание кружков, секций, студий, клубов. Они снова должны стать бесплатными! Только так всем мальчишкам и девчонкам будут предоставлены равные возможности для развития их интересов, для изучения любимого дела.

— Но равенства ведь все равно не получится. Все равно кто-то будет иметь и телик, и видик, и велик, а кто-то только старенькую куклу...

— Наверное, еще не скоро все смогут иметь то, что хотят. Хотя я абсолютно согласен с Оксаной Паниной: покупка блузки не должна выбивать семью из колеи. Каждый должен зарабатывать столько, чтобы его зарплаты хватало на все необходимое. А современному человеку необходимо многое. Но пока наша экономика встанет на ноги, пока цены придут в соответствие с заработной платой, пока зарплата станет соответствовать количеству и качеству труда — а эти вопросы Верховный Совет намерен решать безотлагательно, — тоже ведь надо жить. И жить достойно. А значит, придется научиться терпеть, научиться трезво и по возможности спокойно относиться к тому, что «выше головы не прыгнешь».

И беспокоит меня больше не материальное неравенство, а духовное. Конечно, трудно объяснить девочке в 13—14 лет, что богатство ее души намного более ценно, чем самые дорогие вещи. Вряд ли девчонки, которым нечем сегодня будет блеснуть на дискотеке, мне поверят сейчас. Но когда-нибудь и они поймут, что это так. Без магнитофона или «варенки» так или иначе прожить можно. Но как жить, если тебе по существу закрыты двери в престижный институт? Ведь уровень преподавания в школе Лены Ивановой из маленького городка в Таджикистане почти наверняка значительно ниже, чем в средней московской или ленинградской школе. Разве выдержит она конкурс в МГУ или Бауманский университет? А пример с телемостом! Разве виноваты карагандинские ребята в том, что их местное телевидение не имеет технических возможностей для прямого эфира с Америкой или даже более близкой страной?

Такое неравенство — духовное — преодолеть куда труднее, чем материальное.

Но я бы хотел сказать ребятам: даже тогда, когда у всех появится одинаковая возможность жить богато, когда у всех будут равные возможности

в получении образования, развитии личности, абсолютного равенства и тогда не будет. Люди просто не могут быть одинаковыми. И эта неодинаковость — не плюс и не минус. Она просто есть, и все! И всегда кто-то будет умнее, сильнее, удачливее другого. Такова жизнь и, согласитесь, было бы ужасно скучно, если бы все были одинаково гениальными, жили бы в одинаковых квартирах, ездили в одинаковых автомобилях!

— Ну, до одинаковых автомобилей нам пока далеко...

— Далекое. Да и многие вопросы, которые поставлены ребятами, решаются, по-видимому, уже не для них, а для их детей. Потому что те преобразования, которые задуманы, не пройдут в два-три года. Для них нужны десятилетия.

— Кажется, именно это многим и не нравится. Ребята торопят перестройку, подгоняют ее, обвиняют в многословии...

— Всем, наверное, понятно, что нельзя назавтра получить урожай из семян, посеянных вчера. Вот и зерна, заложенные перестройкой, еще только прорастают, нужно время, нужны благоприятные условия, чтобы ростки окрепли. Урожай — еще впереди.

А что касается слов... Они тоже нужны и важны. Ведь любое действие, любой поступок начинается с мысли, слова, обсуждения. Да ведь и голос-то мы обрели не так давно, поэтому люди так хотят говорить.

— И все-таки ребятам очень хочется дела. Как вам кажется, стоит ли им вмешиваться во взрослые дела?

— Знаете, на один из первых моих депутатских приемов пришел ко мне мальчик. Говорил он дельно и замечания делал верные, а что-то меня тревожило: неужели нет больше у этого человека своих, детских проблем, своего увлечения?

Меня беспокоит, когда ребята с головой бросаются в то или иное политическое течение, будь то народный фронт, или какое-то национальное движение, или какое-то другое объединение взрослых, каких

в стране теперь десятки. Как врач-психиатр я знаю, насколько неустойчива психика в 12—13 лет. В этом возрасте многие готовы протестовать против чего угодно, лишь бы не соглашаться с общепринятым мнением. И вот этой особенностью ребят могут воспользоваться новоявленные взрослые политики. А ребята, которые еще просто не успели накопить житейского, а тем более политического опыта, не всегда умеют за красивыми фразами разглядеть истину. Я уверен: большая политика — для больших. А все, что связано с жизнью ребят — школа, пионерская организация, комсомол, — могут и должны перестраивать они сами.

Пусть создают детские кооперативы, в которых можно научиться не только хорошие вещи делать, но и деньги зарабатывать. Кстати, жаль, что Маша Гордеева из Куйбышева не написала, сколько получают члены их кооператива за свой труд. Постеснялась, наверное. А зря! Ребята должны обязательно зарабатывать деньги и уметь ими распоряжаться. Фонд школы — это, конечно, неплохо, но и свой собственный — тоже хорошо.

Могут ребята взяться и за создание трудовых объединений, чтобы и работа им была интересна, и деньги чтобы за нее платили. А то ведь опять хозрасчет уже приготовился работать против школьников! Теперь на их долю достается самый монотонный, самый неквалифицированный труд.

Так что как ни крути, а получается, что любое более или менее серьезное дело ребят соприкасается, пересекается, а иногда и входит в противоречие с миром взрослых, и приходится детям во взрослые дела вмешиваться, а взрослым — в их, ребятчи. Потому что не может быть отдельной перестройки для детей и отдельной для взрослых. Она общая для всех. И у каждого должно быть в ней свое место.

Записала М. БАСИНА

Фото В. Лозовского

Рисунки О. Филипенко

Глава 5

Вигго мчался изо всех сил и так бешено ворвался в рыбную лавку к матери Топпера, что опрокинул какую-то даму с пакетом рыбы в руках.

Она покатила в угол лавки и теперь лежала там, жалуясь и охая.

— До чего нынче дети торопятся, — простонала она, поднимаясь на ноги. — Когда я была ребенком, все шло, на самом деле, гораздо спокойней.

— Конечно, — пыхтя произнес Вигго. — Но мне нужны деньги на черный хлеб.

Мама Топпера разразилась громовым смехом.

— А не то вы, бедненькие, честное слово, проголодались, — сказала она.

— Да нет, — ответил Вигго. — Это вообще не для нас. Это — для Отто.

— Вот как, — сказала мама Топпера. — А что, Отто ваш новый друг детства?

— Нет, — возразил Вигго. — Отто — это носорог.

— Вон что, — произнесла мама Топпера. — Да, тогда десять буханок черного хлеба не слишком много. А откуда взялся этот Отто?

— Его нарисовал Топпер, а сейчас он пожирает всю вашу мебель.

— Боже милостивый! — вздохнула дама, которую опрокинул Вигго. — Боже милостивый! Как безбожно врут нынешние дети.

И, оскорбленная, — удалилась.

— Да, боже милостивый, как безбожно нудят некоторые люди, — передразнила ее мама Топпера и так громко захохотала, что ее пышный бюст заколыхался под синим платьем. — Дайте Отто что-нибудь поесть, но смотрите, чтобы он не натворил бед.

— Да, если нам удастся приструнить его, — ответил Вигго и кинулся дальше — покупать черный хлеб.

Но не так-то просто купить десять буханок черного хлеба, если ты всего-навсего маленький мальчик.

Сначала Вигго хотел купить хлеб при пекарне, где торговала крупная женщина-булочница; когда Вигго вошел, она стояла за прилавком и чистила ногти.

— Десять буханок черного хлеба! — воскликнул Вигго.

Булочница вытерла пальцы передником и посмотрела на Вигго своими маленькими прищуренными глазками.

— Тебе в самом деле нужны десять буханок хлеба? — спросила она снова, недоверчиво прищурив свои маленькие глазки.

Продолжение. Начало см. «Костер» № 1.

— Да! — воскликнул Вигго. Лицо его совсем побагровело от быстрого бега. — Десять буханок!

— Сделай милость, выйди вон! — прошипела булочница. — Нечего приходить сюда — издеваться над людьми.

— Да нет же, — с несчастным видом сказал Вигго. — Мне НУЖНО десять буханок хлеба.

Булочница медленно повернулась и, не спуская глаз с Вигго, отворила дверь.

— Фольмер! — закричала она в дверь. — Выйди на минутку. Слышишь, Фольме-е-р-р!

Фольмер — маленький увядший человечек, едва достававший до середины живота своей жены, был пекарем.

— Что случилось? — кисло спросил он.

— Этому мальчишке нужна пара пощечин, — сказала булочница, уперев руки в боки. — Он издевается надо мной.

— Издевается над тобой, Альманна? — спросил пекарь, глядя на свою громадину-жену.

— Да, — ответила булочница. — Он врывается сюда и кричит, что ему нужно десять буханок черного хлеба. Но я-то знаю, что ни одному порядочному человеку десять буханок хлеба не съесть.

— М-да, твоя правда, Альманна, — согласился пекарь. — За все годы, что я был пекарем, я ни разу не слышал, чтобы кому-нибудь понадобилось столько черного хлеба.

— А можно узнать, кому, ради всего святого, понадобился весь этот хлеб?

— Он понадобился Отто, — ответил Вигго.

— Отто, — фыркнула булочница. — Так ведь каждый может прийти и сказать. А кто такой Отто?

— Это наш носорог, — робко ответил Вигго.

— НОСОРОГ! — заорала булочница. — А ну, убирайся отсюда! В жизни не слыхала, чтобы ребенок так ужасно врал!

Она хрипела, словно простуженная акула.

— Ты врешь и издеваешься над порядочными людьми, такими, как Фольмер и я, — шипела она. — Сделай что-нибудь, Фольмер. Ты ведь все-таки мой муж!

— Вон! — запищал, тяжело дыша, пекарь. — Вон отсюда, или я позвоню в полицию!

Последних слов Вигго не услышал, потому что он был уже по дороге в другую булочную.

В конце концов Вигго удалось раздобыть четыре буханки черного хлеба.

Усталый и несчастный, потащил он тяжелые буханки в красный дом.

Но за занавесками, у окна кафе «СИНИЙ МОРСКОЙ КОТ» стоял его отец и наблюдал за ним.

«Хм-м, — думал он, потирая щетину на своем длинном подбородке. — Эти парнишки в самом деле что-то затевают. С них нельзя спускать глаз».

Стоя у двери, он немного послушал, как Вигго плетется вверх по лестнице.

— Хо, хо, — пробормотал он. — Все, стало быть, происходит наверху. Да, да, но уж слишком напраказничать им не удастся, уж я позабочусь об этом.

А Вигго даже не подозревал, что отец не спускает с него глаз.

Он лишь плелся по лестнице на своих усталых ногах и вдруг встретил господина Хольма, который беседовал с фру Флорой.

— Знаете что, господин Хольм, — пищала фру Флора. — Ну разве это не странно? Уже целый час с моего потолка сыплется известка. И поверьте, господин Хольм, моя люстра качается взад-вперед; можно подумать, что в квартире надо мной бродит слон.

Она показала на верхнюю квартиру.

Господин Хольм одобряюще улыбнулся Вигго, который с четырьмя буханками хлеба медленно тащился по лестнице.

— Послушай-ка, — сказал господин Хольм. — Уж не завели ли вы, ленивые мальчишки, слона у себя в квартире?

Вигго устало покачал головой.

— Нет, — вздохнул он. — Это — носорог.

Господин Хольм повернулся к фру Флоре.

— Никакой это не слон, — закричал он прямо в ее свежеччищенный слуховой аппарат. — Это всего-навсего носорог.

— Ах, вот что, — сказала фру Флора. — Мальчик, как я вижу, ест слишком много черного хлеба.

— Нет, — сказал Вигго, — это для Отто.

— Ох-х, — выдохнула фру Флора. — Так что тебя зовут Отто? Это сразу видно, а я, наверное, начинаю стареть. Я была почти уверена, что тебя зовут Вигго.

В этот самый миг люстра фру Флоры рухнула с потолка на пол комнаты.

— Слышите, — сказал господин Хольм и прислушался. — Я сейчас же поднимусь наверх и взгляну на этого носорога.

И он следом за Вигго поднялся вверх по лестнице.

Глава 6

Наверху у Топпера царил ужасный хаос.

Отто, эта огромная желтая скотина, уже съел обивку двух стульев, все занавески, какие только были в комнате, две салфетки под лампой на столе и чучело попугая.

А в настоящий момент он успешно справлялся с одним концом ковра.

Остановившись в дверях, господин Хольм вынул носогреюку изо рта.

— Ах ты, милая, толстая животинка! — сказал он, увидев Отто, и стал крутить усы. — Как же это вы, такие маленькие, втащили наверх такую громадную животину?

— Она появилась сама собой, — усмехнувшись, ответил Топпер.

Взяв хлеб из рук обессиленного вконец Вигго, он принялся набивать им пасть Отто.

— ХОРК, — сказал Отто, глотая буханку хлеба.

Между тем Вигго опустился в кресло, которое было уже без обивки, и погрузился в сон среди вздыбленных пружин.

Господин Хольм приблизился к желтому носорогу.

— А он — красив, — сказал он и похлопал Отто по спине. — Мне кажется, я никогда в жизни не видел более красивого носорога.

— Конечно, нет! — гордо заявил Топпер.

— Однако же, — продолжал господин Хольм, — здесь вы его держать не можете. Ведь кончится тем, что потолок обрушится на фру Флору, эту милую старую ослицу.

— Мы вынуждены держать его здесь, — ответил Топпер, — он слишком толстый и не пройдет в дверь.

Господин Хольм почесал в затылке.

— Самое ужасное, — заявил он, — что здесь, в доме, запрещено держать животных.

— А мы будем держать его тайно, — сказал Топпер, — никто не должен ничего об этом знать.

— Как же так! — возразил господин Хольм. — Ведь он топает так, что слышно во всем доме.

— Он все время голодный, — объясняет Топпер. — Носороги всегда топают, когда они голодные.

— Ах, вот что! — удивился господин Хольм. — Подумать только, а я этого совершенно не знал. Тогда нам, в самом деле, надо срочно раздобыть какого-нибудь корма. Может, воза сена и воза свеклы хватит на сегодня.

Да, — ответил Топпер. — И побольше хлеба.

Я сейчас же позвоню насчет сена, — пообещал господин Хольм и поспешил выйти из комнаты, косясь на половицы, которые качались и трещали под ногами огромного животного.

Пока господин Хольм отсутствовал, Топпер отворил окно и на улице, прямо у красного дома, увидел Силле, которая примчалась на своем маленьком желтом велосипеде.

— Топпер! — воскликнула Силле. — Ты самый рехнувшийся мальчишка, которого я когда-либо встречала!

И стремительно исчезла за углом ближайшей улицы. Топпер вздохнул.

— Да, не так-то просто иметь невесту, — сказал он.

— Невесту! — вскричал, мгновенно проснувшись, Вигго. — Какая еще невеста?

— О, — сказал Топпер. — Это была Силле.

— Бр-р-р, — ответил Вигго и снова уснул.

Меж тем внизу у телефона господин Хольм переживал большие неприятности.

Он позвонил арендатору Черу, который жил как раз за городом.

— Добрый день, — сказал господин Хольм. — Могу я получить большой воз сена?

— Конечно, конечно, — заверил его арендатор. — Куда привезти его?

— В большой красный дом возле гавани, — ответил господин Хольм. — Только тебе придется выгрузить его в окно третьего этажа.

— Это еще что за болтовня, — сказал старый арендатор. — Зачем вам сено в комнате?

— М-да, — ответил господин Хольм. — У нас... ээ ... есть животное, которое надо кормить.

— Какое еще животное? — подозрительно спросил арендатор.

— М-да, — ответил господин Хольм, — это — носорог.

— Хо! Хо! — воскликнул арендатор. — Я знал, что у вас, городских, глупые головы. Но что такие глупые, я все же не думал. Корм носорогу на третьем этаже — да, недурно!

— Значит, нам воз сена не получить? — спросил господин Хольм.

— Нет, вы его получите, — сказал арендатор и улыбнулся. — Но корм для носорога вам придется забрать самому. Я не поеду в город, чтобы надо мной измывалась шайка таких рехнувшихся домовых.

И он повесил трубку.

Господин Хольм вернулся обратно к мальчикам:

— Нам придется самим привозить сено, — сообщил он. — Сено для носорога нужно привозить самим.

— Надо достать побольше буханок хлеба, — напомнил Топпер. — Отто совершенно взбесился с голоду.

— ХОНК, ХОРК! — пробормотал Отто и стал топтать ногами.

— Хорошо, — согласился господин Хольм. — Я привезу воз сена на моем велосипеде, а вы тем временем возьмете детскую коляску, объедете всю округу и набьете коляску хлебом.

В этот миг в дверь позвонили.

Топпер взглянул на господина Хольма, а господин Хольм — на Топпера.

— Может, это полиция? — прошептал господин Хольм. — Надо спрятать Отто.

— Куда? — прошептал Топпер.

— Под ковер, — ответил господин Хольм. — Мы накроем его остатками ковра.

Снова позвонили.

— Быстрее, — прошептал господин Хольм. — Накинь на него ковер!

После того как Отто упаковали в ковер, Топпер осторожно открыл дверь.

На лестнице, в совершенном смятении, стояла фру Флора.

— Господин Хольм, — сказала она, — знаете что, все мои люстры падают с потолка.

Господин Хольм стащил ковер с Отто, и фру Флора с любопытством посмотрела на огромное животное.

— Ох! — произнесла она и всплеснула руками. — Носорог. Да, тогда я начинаю кое-что понимать. Носороги так редко бывают здесь в доме. Не припомню, чтобы я видела его здесь прежде.

— Нет, — сказал господин Хольм. — Мы в первый раз пытаемся держать в доме носорога.

— Что? — спросила фру Флора. — Вы сказали: кофе? Хорошо, я сейчас спущусь вниз и приготовлю вам и мальчикам по чашечке хорошего настоящего горячего кофе.

И старая дама тут же побежала вниз — приготовить кофе.

— Прежде чем пить кофе, — сказал господин Хольм, — мы должны раздобыть сено и хлеб. Вперед!

Топпер разбудил спящего Вигго.

— На помощь! — жалобным голосом позвал Вигго. — Ненавижу покупать черный хлеб.

Но Топпер схватил его за руку, и вместе с господином Хольмом мальчики ринулись вниз по ступенькам и выбежали из дома.

А за дверью в кафе «СИНИЙ МОРСКОЙ КОТ»

по-прежнему стоял папаша мальчика Вигго, господин Леве, и прислушивался.

— Это еще что такое, — бормотал он. — Теперь сам господин Хольм прямо как ребенок бегаёт вместе с мальчишками. Нет, тут что-то неладно, не так, как должно быть в хорошем добропорядочном доме.

Осторожно открыв дверь, он осмотрелся по сторонам.

Потом он, точно старая крыса, шмыгнул по скрипучей лестнице наверх и приложил ухо к двери квартиры, где стоял в ожидании какого-нибудь корма Отто.

— Странно! — пробормотал папаша мальчика Вигго. — Очень странно!

Он снова прислушался.

— Удивительные звуки, — сказал он самому себе. — Слово бродит кто-то вроде поросенка.

И, прислушавшись еще, подумал: «Однако же поросята не говорят: «ХОНК» и «ГРУММП». Они произносят «ХРЮ» и «ХРЯ». Что же это может быть?»

Снова оглядевшись по сторонам, он нагнулся, желая заглянуть в замочную скважину.

— А-а-а! — пробормотал он. — Вон что! Они прячут носорога. Ну и ну! Какая наглость! И вдобавок еще желтого!

Он сбежал вниз по лестнице.

— Послушай-ка! — сказал он жене. — Можешь себе представить — управляющий вместе с мальчишками прячут наверху желтого носорога.

— Не-е-а! — возмутилась мамаша мальчика Вигго. — И это здесь, в доме, где всегда было так чисто и красиво! А такой носорог наверняка страшно гадит.

— Конечно! — воскликнул господин Леве. — А сейчас я позабочусь о том, чтобы он убрался отсюда.

Глава 7

Но господин Леве скоро выяснит, что очень трудно избавиться от желтого носорога, который живет на третьем этаже.

Сначала он позвонил директору Зоологического сада.

— Алло! — произнес господин Леве.

— Алло! — сказал директор Зоологического сада.

— Алло! Алло! — произнес господин Леве, обдумывая тем временем, как рассказать директору про носорога.

— Скажите! — ворчливо возмутился директор. — Вы что, решили алекать весь день?

— И-и, э-э, нет! — испуганно произнес господин Леве.

— На это я и не рассчитываю, — сказал директор. — Я очень занятой человек, я всегда очень занят. И вы это хорошо знаете. Директора всегда заняты. Я не могу тратить свое время на то, чтобы говорить «алло».

— Да нет, я это хорошо понимаю, — произнес господин Леве. — Я звоню, чтобы продать вам носорога.

— Ага, — сказал директор, и на этот раз его голос зазвучал чуточку приветливей. — Вы звоните, чтобы продать мне носорога. Да, тогда это совсем другое дело. А как выглядит этот носорог? Он из Африки или с Суматры?

— Не знаю, — ответил господин Леве. — Он — желтый.

Директор смущенно закашлялся.

— Вот как, — сказал он. — Желтый носорог. Очень странно. Исключительно странно. Как ваше имя?

— Леве, — ответил господин Леве.

На другом конце провода раздался ужасный кашель. Директор кашлял долго, так долго, что господин Леве разнервничался, испугавшись, что директор Зоологического сада серьезно заболел.

— Вы хотите сказать, — спросил наконец директор и откашлялся, — что вы — лев, который желает продать носорога.

— Да, — смущенно пробормотал господин Леве, слегка замешкавшись у телефона. — Да, это так.

— Ну не-ет, такой чепухи мне слышать никогда не доводилось! — воскликнул директор. — Что, звери начали теперь продавать друг друга? Нет, в это вы меня ни за что не заставите поверить. Думаю, вы — просто большой шутник, которому так хочется развлечь меня по телефону. Но видите ли, мой славный друг, у нас, директоров, нет времени развлекаться, так что я, к сожалению, вынужден положить трубку.

— Но, господин директор, — взмолился господин Леве, — никакой я не шутник.

— О-о! — произнес директор. — Тогда вы, должно быть, попросту совершенно спятили с ума, а это — гораздо хуже. Прощайте!

И директор довольно шумно швырнул трубку.

— Он не хочет покупать носорога, — сказал недовольный господин Леве жене.

— Тогда позвони в полицию, — посоветовала мамаша мальчика Вигго. — Они могут что-нибудь сделать. Полиция всегда может что-нибудь сделать.

Господин Леве позвонил в полицию.

— Алло! — сказал он. — Что нам делать?

— Алло, — ответил полицейский на другом конце провода. — По мне — делайте что хотите, не преступайте только рамок закона.

— Хорошо, — согласился господин Леве. — Речь идет о носороге. Мы не можем от него избавиться. Мы не хотим, чтобы он жил в нашем доме.

— Откуда вы звоните? — спросил полицейский.

— Из кафе «СИНИЙ МОРСКОЙ КОТ», — ответил господин Леве.

— Ага, вы сидите в кафе, — усмехнулся полицейский. — Вы звоните из кафе и хотите рассказать мне о носороге. Да, тогда я знаю, что вам делать.

— О-о! — обрадовался господин Леве. — Что же, по-вашему, я должен делать?

— По моему, — ответил полицейский, — пить поменьше водки. Когда человек напивается так, как вы сейчас, он видит не только носорогов, но и слонов.

— Да нет же, — произнес господин Леве с несчастным видом. — Я не пил водку. Я хочу лишь избавиться от носорога.

— Послушайте, — сердито сказал полицейский. — Если вы не прекратите сию минуту отвлекать полицию всеми этими бреднями о носорогах, мы приедем и заберем вас. Хотите сесть в тюрьму на несколько дней?

— Ну, нет, — ответил господин Леве.

— Хорошо, — смягчился полицейский. — Тогда ложитесь спать и увидите: утром вы забудете всю эту болтовню про носорога. Спокойной ночи!

Господин Леве долго сидел с телефонной трубкой в руке и молча смотрел на нее.

Потом он медленно положил трубку.

— Думаю, я в самом деле лягу спать. А не то придет полиция и заберет меня.

Глава 8

Пока господин Леве, умный папаша мальчика Вигго, с таким трудом пытался избавиться от носорога, к которому вообще не имел никакого отношения, мальчики торопились купить хлеб.

Когда они добрались до булочной при пекарне, где торговала брюзгливая булочница, Топпер сказал:

— Вот тут-то, Вигго, мы и купим десять буханок черного хлеба.

— Увы, нет! — ответил Вигго. — Отсюда нас вышвырнут вон. Они вообще не желают продавать хлеб детям.

— Не хотят продавать хлеб? — удивился Топпер. — Ну и чудная же это булочная.

Постояв немного, он подумал, а потом сказал:

— Идея! Они тут все равно что поросята! А поросята всегда все делают наоборот.

Он открыл дверь в лавку, а Вигго меж тем спрятался за ХРОМУЛЕЙ.

— Здравствуйте! — сказала булочница. — Чего тебе надо?

— Ниче-го, — ответил Топпер.

— Это еще что такое? — спросила булочница. — Ты что, издеваешься надо мной?

— Нет, — усмехнулся Топпер. — Я пришел сюда, чтобы ничего не купить.

— Не-е, — взывала булочница. — Просто невозможно, какие пошли нынче дерзкие дети! Фольмер, ФОЛЬМЕ-Е-ЕР, иди быстрее сюда!

Маленький пекарь вошел в лавку.

— Посмотри! — сказала булочница. — Этот мальчик вообще ничего не хочет покупать. Разве он не должен что-нибудь купить, Фольмер?

— Должен, — ответил пекарь. — Все, кто заходят в нашу лавку, должны что-нибудь купить. Запри за ним дверь, Альманна. Он не выйдет отсюда, пока не купит по меньшей мере десять буханок хлеба.

Булочница загородила собой дверь.

— Ну, что скажешь на это, парень? — спросила она.

— Ладно, давайте мне тогда десять буханок черного хлеба, — согласился Топпер. — У меня нет желания торчать здесь целый день.

— Вот это другой разговор, — сказала булочница. — Нечего приходить сюда и издеваться над нами.

Когда Топпер вышел за дверь, нагруженный десятью большими буханками черного хлеба, Вигго вытаращил глаза так, словно увидел перед собой привидение.

— Вот это да! — воскликнул он. — Как это тебе удалось?

— Ох! — усмехнулся Топпер. — Трудно объяснить. Я просто сказал, что мне ничего не надо.

— Ты рехнулся! — похвалил его Вигго.

— Да, — согласился Топпер. — А теперь быстрее домой, к Отто.

По дороге к носорогу они встретили очень любезного старичка в маленьких круглых очках.

Он заглянул в детскую коляску, потом еще раз.

— Послушайте-ка, — сказал он, протирая очки. — Мне наверняка нужны новые очки. Потому что знаете ли вы, что напоминает мне ваш маленький братец?

— Черный хлеб, — ответили мальчики.

— Именно, — подтвердил старичок. — Когда смотришь на него в эти очки, он напоминает целый воз черного хлеба.

Старичок поспешил перейти улицу и вошел в лавку оптика.

В этот день люди, проходившие мимо большого красного дома возле гавани, могли наблюдать редкостное зрелище.

Сначала они могли видеть двух мальчишек, которые подкатили детскую коляску, доверху набитую черным хлебом.

А чуть попозже они могли видеть, как на двух колесах подъехал целый стог сена. Стог остановился рядом с детской коляской, и какой-то мужчина с маленькой изогнутой трубкой в зубах вылез из этого стога и начал стряхивать с одежды сено.

Затем они могли видеть, как человек с трубкой в зубах начал забрасывать сено через окно третьего этажа.

Но вообще-то, если кто и проходил мимо и видел все это, то это был сам полицмейстер собственной персоной.

Этот полицмейстер был самым умным из всех полицейских и тем, кто поймал больше всех воров на свете.

Увидев господина Хольма, забрасывавшего в окно сено для Отто, он сначала молча постоял, протирая глаза.

Потом твердым шагом, по привычке, раз и навсегда усвоенной полицией, он подошел к господину Хольму и положил ему руку на плечо.

— Здравствуйте, здравствуйте, — поздоровался господин Хольм, продолжая забрасывать сено в окно третьего этажа.

Полицмейстер откашлялся.

— Любезный, — сказал он. — Согласно закону номер 812 бросать сено в окна запрещается.

Господин Хольм остановился.

— Да ну! — сказал он. — Животное хочет есть. Оно пожирает мебель.

— О каком животном идет речь? — спросил полицмейстер.

— Это — тайна, — ответил господин Хольм и покраснел.

— Запрещается иметь тайны от полиции, — заявил полицмейстер. — Это лошадь?

— Это — носорог, — ответил господин Хольм.

Полицмейстер вытащил из кармана толстенную книгу.

ЗАКОНЫ ОБО ВСЕМ НА СВЕТЕ — было написано на обложке.

— Носорог, носорог, — пробормотал он, листая толстую книгу. — Закона о носорогах вообще нет.

— Прекрасно, — с облегчением сказал господин Хольм. — Так что я могу продолжать кормить его...

— Минутку, — прервал его полицмейстер. — Вам надо заплатить налог на вес животного, раз вы держите его на третьем этаже. Сколько весит вышеупомянутое животное?

— Понятия не имею, — ответил господин Хольм.

— Тогда надо его взвесить, — сказал полицмейстер. — У вас есть весы?

Господин Хольм кивнул головой.

— Хорошо, — обрадовался полицмейстер. — Мы поднимемся наверх и взвесим его. В делах должен быть порядок, любезный.

— Да, конечно, — подтвердил господин Хольм.

Господин Хольм принес весы и вместе с полицмейстером поднялся в квартиру к мальчикам.

Отто медленно жевал сено. Он радостно помахивал хвостом и издавал один звук «ХОНК» за другим.

— Он — довольно большой, — заметил полицмейстер. — Как мы поставим его на весы?

— Мы приманим его буханкой черного хлеба, — предложил Топпер.

В данный момент Отто не очень хотелось забираться на весы, но под конец удалось поднять туда одну из его громадных передних ног.

— А теперь пусть спустит ногу, — сказал полицмейстер.

Отто спустил ногу с весов. Весы стали плоскими, как блин. У них вообще уже совершенно ничего общего с весами не было.

— Что нам теперь делать? — спросил полицмейстер. — Его необходимо взвесить, в делах должен быть порядок.

— ГРУММП, ХОНК, — сказал Отто.

И стянул с головы полицмейстера фуражку.

— Именем закона! — воскликнул полицмейстер. Лицо его совершенно посинело. — Именем закона! Жевать одежду полицмейстера запрещается!

— ХОНК, — сказал Отто и съел фуражку.

— Я — несчастный! — закричал полицмейстер. — Мне необходима моя фуражка. Ведь иначе никто не увидит, что я полицмейстер.

— Ее все равно уже нет, — заметил Топпер. — Могу одолжить свою шапку.

На дне шкафа он нашел старую зеленую шапочку.

Но злющий полицмейстер, отшвырнув шапку в сторону, заорал:

— Это наглое животное должно быть выдворено отсюда до восьми часов утра. Иначе его посадят в тюрьму!

Он топнул ногой и только собрался покинуть комнату, как вдруг раздался ужасающий треск.

Ужасающий треск шел от пола.

Теперь нам пора уже вспомнить, что дом был старый и такими же старыми были и полы.

Может, пол и выдержал бы Отто.

Может, он выдержал бы и Отто, и мальчишек, и господина Хольма.

Но злющий полицмейстер, который топает ногой, это было уже слишком для старого пола.

Ужасающе треща и скрипя, пол опускался вниз под ногами всей небольшой компании. Со страшным грохотом и Отто, и мальчишки, и господин Хольм, и злющий полицмейстер приземлились в комнате фру Флоры.

— И-и! — взвизгнула фру Флора, появившаяся в дверях своей кухни с большим кофейником, полным горячего дымящегося кофе.

— Я и не слышала, как вы вошли. И носорог с вами. Как мило!

Она улыбнулась полицмейстеру, почти погребенному в стог сена.

— Понимаете, господин полицейский, — объяснила она, — я так ужасно плохо слышу.

— Я не полицейский, — прошипел полицмейстер, выбираясь из копы сена. — Я полицмейстер.

— Боже милостивый, — сказала фру Флора, ставя на стол кофейник. — Так вы брендмейстер. Но тогда на вас форма довольно странная для брендмейстера. В такой они не ходят. Ну да ладно. А теперь мы все вместе попьем кофейку.

Полицмейстер тяжело рухнул на пол.

— Думаю, мне чашечка кофе очень нужна, — устало сказал он. — Иногда довольно обременительно быть полицмейстером.

В уютной комнате фру Флоры за столом сидело целое общество; все пило кофе с печеньем. Послеполуденное солнце посылало свои теплые, золотистые лучи в окна, а на балконе в клетках пели птицы.

— О! — сказала фру Флора, улыбаясь счастливой улыбкой. — Как все же прекрасно видеть вокруг столько милых людей и животных. К сожалению, у меня так редко собирается большое общество.

— Какое вкусное печенье, — пробормотал Топпер.

Сидя на спине Отто, он жевал печенье так, что у него лопались щеки. Через открытую дверь балкона виднелось море и белые рыбацьи лодки, а немного погодя он увидел, как мчится что-то желтое.

— Привет, Силле! — закричал он, выскочив на балкон. — Давай поднимайся наверх, посмотреть нашего носорога!

— А что, в квартире фру Флоры тоже — живой носорог? — спросила, ухмыляясь, Силле.

— Да, — ответил Топпер. — Мы провалились вниз вместе с полом.

— Топпер, Топпер! — укоризненно произнесла Силле.

Но все же, прежде чем промчатся дальше, она послала ему воздушный поцелуй.

— Ура! — заорал Топпер и восхищенно дернул Отто за хвост. Силле — моя невеста!

— Бр-р-р, — сказал Вигго. — До чего надоела вся эта болтовня.

Когда мама Топпера вернулась в тот день из погреба, где торговала рыбой, она обнаружила огромную дыру в полу комнаты и, взглянув туда, увидела удивительное общество, собравшееся в комнате этажом ниже.

— Привет! — сказала она. — А у вас там по-настоящему уютно. Я спущусь вниз и выпью с вами чашечку кофе.

— И-и! — взвизгнула фру Флора. — Правда, у нас уютно?!

Полицмейстер кивнул головой.

— Необыкновенно уютно, — подтвердил он, отхлебнув большой глоток кофе. — По-моему, так уютно ни одному полицмейстеру быть не может.

ЕЩЕ ОДНА ТАЙНА АХИ-ЯРВИ

**КТО СКАЗАЛ,
ЧТО САМЫЕ СВЯТЫЕ ДЛЯ СОВЕТСКИХ ЛЮДЕЙ ПОНЯТИЯ —
РЕВОЛЮЦИЯ, ЛЕНИН, ПАРТИЯ —
ВО ВРЕМЕНА ПЕРЕСТРОЙКИ
ПЕРЕСТАЛИ БЫТЬ СВЯТЫМИ!**

**КТО РЕШИЛ,
ЧТО ДЕНЬГИ, БЛАТ И НАХАЛЬСТВО
ОТНЫНЕ ПРЕВЫШЕ ВСЕГО!**

НЕТ И ЕЩЕ РАЗ НЕТ!

**НО, ЧТОБЫ ДОКАЗАТЬ ЭТИ ПРОСТЫЕ ИСТИНЫ,
НАШЕМУ КОРРЕСПОНДЕНТУ ТРЕБУЕТСЯ ПОДДЕРЖКА ВСЕХ,
КТО ПРОЧТЕТ ЭТОТ МАТЕРИАЛ.**

О многом передумалось по дороге в поселок Первомайский Ленинградской области, где живут авторы письма в «Барабан». Может, ребята обиделись и решили подшутить. Два года назад за помощь в работе нашей экспедиции на берегу Ахи-Ярви не всех мы отправили в Артек, а только самых лучших. Да, но Кирсанова путевкой тогда наградили. Значит, дело не в обиде. И вообще, кто — лучший, решали они сами. Тогда как понимать это письмо? Ведь не может нормальный человек на таком историческом месте взять и построить себе дом. Там, где стоит памятный знак, рассказывающий о подвиге большевиков-ленинцев. Это же кощунство, надругательство над историей Революции! Нет, тут что-то не так.

Приехав в Первомайский, первым делом ищу в школе Кирсанова, Богушева и Фомичева.

— Ваше письмо?

— Наше.

— Вы своими глазами видели эту новостройку или от кого-то о ней узнали?

— Видели. Иначе бы не стали писать.

— А как зовут ее хозяина и где он работает?

Молчат. Пожимают плечами.

— Что же это вы с ним даже не поговорили?

— А как, если он и с Валентиной Ивановной, нашим классным руководителем, ни о чем говорить не желает.

Мы сидим в маленькой тесной комнатке — школьном музее А. М. Игнатьева. Ребята ждут от меня подсказки.

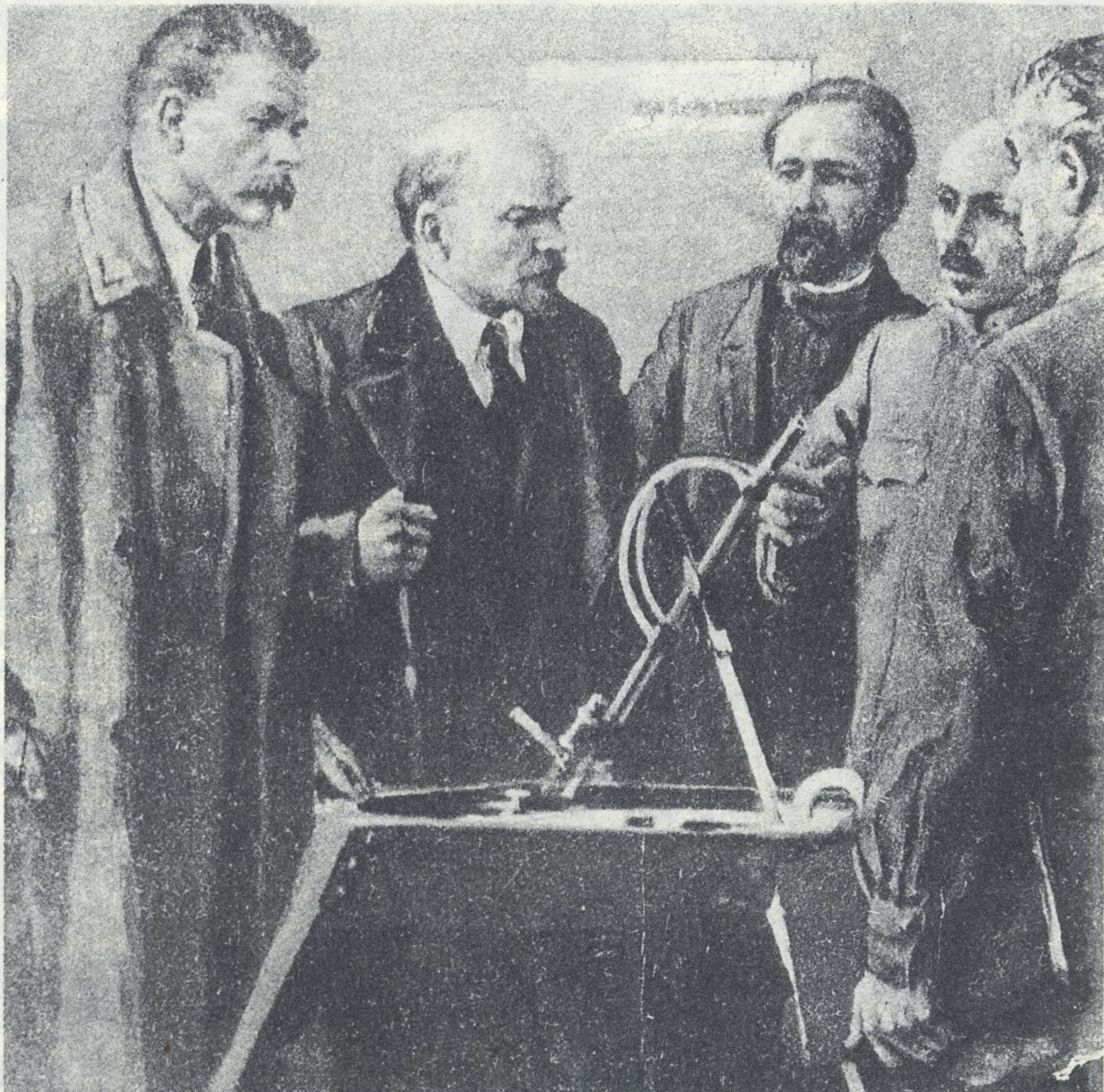
— Ладно. Сейчас топайте на урок, а я схожу на разведку. Вечером встретимся...

И я пошел в Ахи-Ярви. Пошел по знакомой дороге к незнакомому человеку. Сперва — по шоссе мимо подсобного хозяйства Балтийского завода. Потом — мимо братской могилы, где похоронены бойцы и командиры, погибшие в годы Великой Отечественной войны. А потом — через лес, по тропинке, больше никуда не сворачивая.

Наконец на лесной опушке приветливо блеснуло озеро. Но знакомая картина на этот раз не радовала — на берегу, прямо на фундаменте бывшей игнатьевской дачи стоял дом, с балконом на всю ширину фасада, высокий, просторный. Я обошел его со всех сторон. Он пах смолой и краской. На одном из окон чуть шевельнулась занавеска.

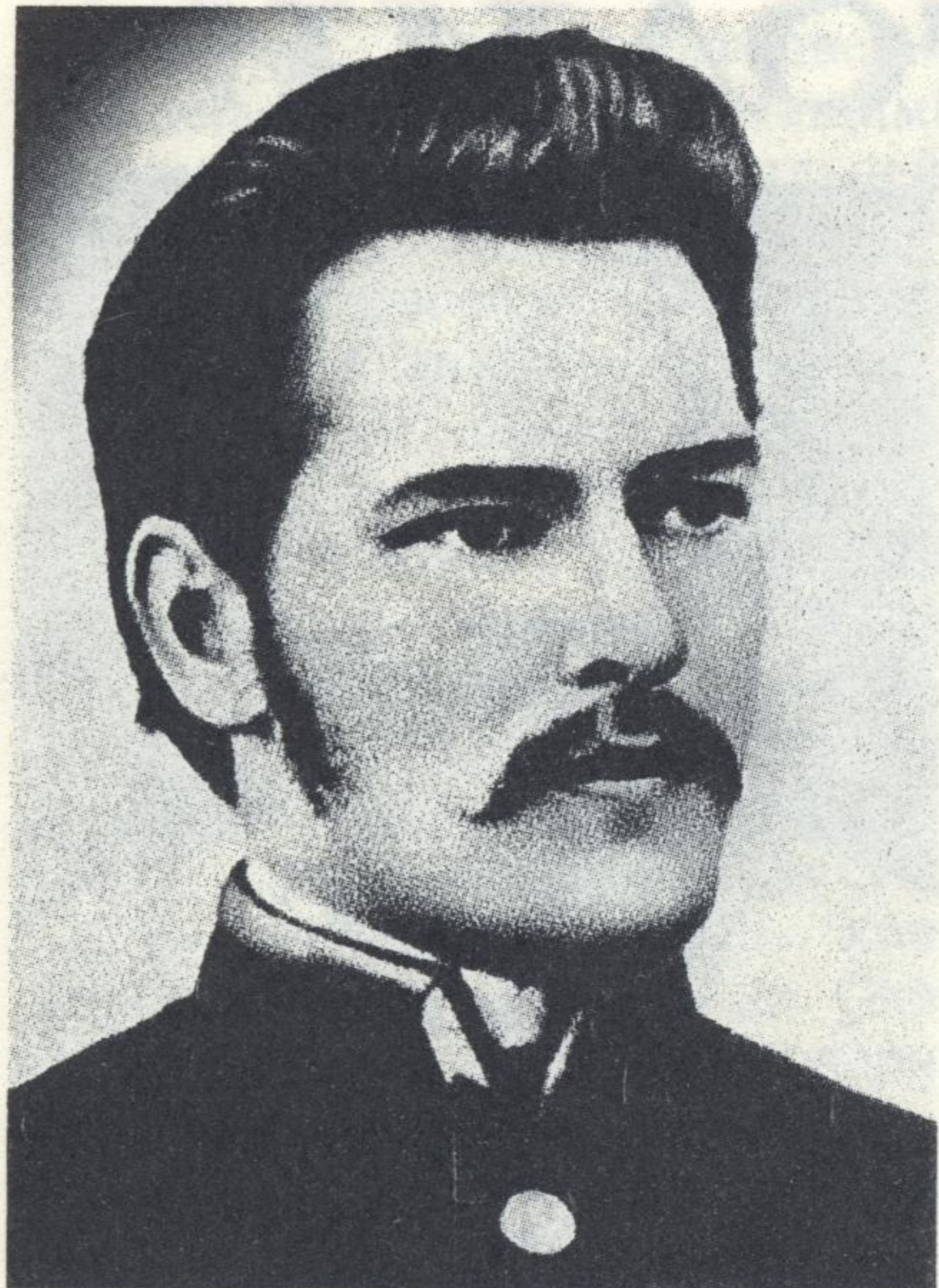
— Эй, есть здесь кто живой?

Дверь нехотя заскрипела, и на крыльце появился хозяин. Лет ему было не больше сорока, а я-то думал — пенсионер.

Слева направо: А. М. Горький, В. И. Ленин, А. М. Игнатьев и военные специалисты у артиллерийского прибора, изобретенного Игнатьевым

А. М. Игнатъев

Одет — в джинсовый костюм, на ногах — домашние шлепанцы, в прищуренных глазах — усмешка и настороженность.

— Чует сердце, приехали проверять очередную жалобу?

— Точно, — сказал я, показывая удостоверение «Костра». — С кем имею честь?

— Левашов Петр Николаевич. Фермер совхоза «Ленинский». Милости прошу к нашему шалашу.

— Ничего себе шалаш — самый настоящий дворец, не хуже игнатъевского, тот тоже был трехэтажный и с балконом.

— Пожалуйста, не преувеличивайте, нижнее помещение — гараж для «Жигуленка» и за этаж не считается.

Мы прошли длинную анфиладу комнат. Он шел впереди, не оглядываясь, спокойно роняя на ходу:

— Это у меня прихожая, здесь — столовая, а здесь, сами видите, — биллиардная. Случаем, не играете?

— Нет. Играю, но только не с такими, как вы, Петр Николаевич.

Он остановился и внимательно на меня посмотрел.

— Это почему же?

— Сами знаете почему. Кто

вам разрешил строиться на историческом месте?

— Как — кто? Поселковый Совет, директор совхоза и председатель Выборгского райисполкома товарищ Смирнов. Вот придем ко мне в кабинет, и я вам покажу их разрешение.

И действительно — показал, документ с подписями и печатями. И, видя мое замешательство, насмешливо произнес: — Надеюсь, вопросов больше нет.

— Наоборот, их стало еще больше...

В. МИХАЙЛОВ

Дом, построенный летом прошлого года на фундаменте дачи Игнатъевых

НАША СПРАВКА

Озеро Ахи-Ярви на Карельском перешейке.

Здесь в годы первой русской революции, на даче большевика-ленинца Александра Михайловича Игнатъева, находилась одна из перевалочных баз Петербургского комитета партии большевиков. В адрес Игнатъева доставлялись из-за границы политическая литература, ленинская газета «Искра», оружие для революционеров, различные партийные документы. Отсюда их потом увозили в Петербург, на фабрики и заводы. А в 1907 году, когда революция закончилась, оставшееся «имущество» было спрятано в бункерах.

Так родилась тайна Ахи-Ярви. И многие десятилетия пытались ее разгадать историки и следопыты.

В разные годы на берегу Ахи-Ярви работали ученые Института марксизма-ленинизма и научные сотрудники Ленинградского филиала музея В. И. Ленина, журналисты газеты «Известия» и красные следопыты пионерской газеты «Ленинские искры». К сожалению, все эти поиски оказались безрезультатными.

Последняя попытка была сделана в 1987 году — редакция «Костра» организовала всесоюзную экспедицию, участниками которой стали 120 мальчишек и девчонок.

ДОКТОР АНАТОЛИЙ

Т. ВОЛЫНКИНА

СЛУЧАЙ В БОСТОНЕ

Мальчишка спешил по своим делам. Неподалеку у переезда тормозил поезд. Мальчишка взглянул на часы и вскочил на подножку. Поезд набирал ход, вагоны раскачивались. Впереди блеснул железнодорожный мост. Замелькали мостовые фермы. Мальчику стало страшно. Он сжался, но вагон качнуло к ферме и с невероятной силой мальчишка ударился об нее плечом. Левая рука отлетела прочь. Так их и подобрали врозь на откосе: мальчика и его руку. На ней по-прежнему тикали часы...

Случилось это в Америке. Обгоняя машины, «скорая» мчала умирающего в Массачу-

сетский госпиталь в городе Бостоне. Хирургическая бригада во главе с Рональдом Молтом стала готовиться к операции.

Она длилась восемь долгих часов. Хирурги успели соединить кости, сосуды, мышцы и кожу. Нервы сшить не успели — от напряжения и усталости врачи буквально падали с ног — нервы сшили при повторной операции, через три месяца.

Пришитая рука осталась жить! Мальчик давно вырос, выросла и рука. Он нормально ею пользуется.

С тех пор подобные операции делают хирурги многих стран. Но эта операция была первой такого рода.

Фото Б. Гесселя

НА ПОМОЩЬ ЭФИОПАМ

В далекой жаркой Африке есть страна — социалистическая Эфиопия. Там по Голубому Нилу плавают толстые бегемоты. В зеленых равнинах растут могучие баобабы, такие большие, что тень одного может защитить от зноя целую деревню. И есть горы амбы, плоские, как столы, на которых не растет ни травинки. В Эфиопии обитают неведомые звери — златокроты и трубкозубы. И бродит птица секретарь с хохлом из черных перьев на голове, напоминающая чиновников прошлых времен, носивших перья за ухом. И живут в Эфиопии красивые люди с золотисто-шоколадной кожей и карими глазами на узких лицах.

Но приезжих поражает не красота природы, а нищета людей. Мало было у бедной Эфиопии врачей. А когда соседняя страна Сомали объявила ей войну, и вовсе стало невмоготу. И тогда эфиопы попросили о помощи советских медиков.

Среди нескольких десятков врачей в Африку улетел и военный хирург Анатолий Белоусов. Ему повезло: он знал английский, без которого общаться там было бы невозможно.

С каждым днем раненых в госпиталь привозили все больше. Иногда за операционным столом Белоусов простаивал по семнадцать часов и делал до пятидесяти операций!

А был и такой случай. Попал в госпиталь раненый сомалиец. Очнулся и застонал — и от боли в тяжело раненной ноге, и от того, что рядом враги, а он без сил. Анатолий Егорович сделал операцию. Не прошло и дня, тревога: сомалиец сбежал к своим!

— Крепкий мужик, — подумал Белоусов, — но удрал зря, надо было еще подлечиться.

Трудной была работа в госпитале, но опыта и знаний у Белоусова прибавлялось. Раны войны не бывают легкими. И сколько за восемь месяцев Ана-

толий Егорович сделал операций, сейчас просто и не счесть. Зато о чудесном русском хирурге узнали все эфиопы и прозвали его на русский лад — Доктор Анатолий.

Все это рассказал мне сам Анатолий Егорович. Я разыскала его в Военно-медицинской академии в Ленинграде. Но рассказывал он о себе неохотно — позади была трудная операция, и он очень устал. Вместо этого дал прочитать заметку в газете «Известия». Вот она.

ДЕСЯТЬ ЧАСОВ БЕЗ ОБЕИХ РУК

уникальная операция военных медиков

В тот злополучный день рабочий Ленинградского объединения «Пластмасс» В. Колоколов, обрабатывая на станке какую-то деталь, неожиданно ощутил острейшую боль в обе-

их руках, а через мгновение увидел свои кисти лежащими безжизненно на полу. Дальнейшее он не помнил.

Прошло всего сорок минут с момента травмы, а пострадавший уже лежал на операционном столе. Медики сразу же начали борьбу за его жизнь, перелили в общей сложности около одного литра крови. Одновременно начали операцию две бригады микрохирургов — одну возглавил профессор А. Е. Белоусов, другую — кандидат наук Н. Г. Губочкин. Около десяти часов длилась операция по сшиванию поврежденных костей, сосудов, нервов. Наконец стало восстанавливаться нарушенное кровообращение, оторванные кисти порозовели и потеплели.

В дальнейшем пострадавшему еще не раз переливали кровь, а около его постели круглосуточно дежурили медицинские сестры. Ведь он поначалу был беспомощным, как ребенок, — не мог самостоятельно взять даже ложку.

Через двадцать пять дней Колоколова выписали в восстановительный центр на амбулаторное лечение. Теперь он уже мог шевелить пальцами и в какой-то степени себя обслуживать. Пройдет еще с полгода, прежде чем движения рук восстановятся в той мере, в какой ожидают медики. Возможно, потребуются дополнительные операции для коррекции каких-то движений, но Колоколов, несомненно, станет трудоспособным.

— Подобная операция проводится у нас в академии впервые, — говорит начальник кафедры военной травматологии и ортопедии имени Г. И. Турнера Военно-медицинской академии член-корреспондент АМН СССР генерал-майор медицинской службы Сергей Степанович Ткаченко.

Прочитала я заметку и больше пока расспрашивать ни о чем Анатолия Егоровича не стала. Договорились мы встретиться у него дома.

Больше всех нас ждал четырехлетний сын хирурга — Вася. Вася показал мне свои игрушки, написал огромными корявыми буквами слово «папа» и уселся к отцу на колени слушать его рассказ. А я его перескажу.

ХИРУРГАМИ НЕ РОЖДАЮТСЯ

Барон Мюнхгаузен сразу бы ответил на этот вопрос. Побывав на Луне, он рассказывал о лунных жителях: они вырастают готовыми специалистами внутри орехов-плодов особых лунных деревьев. По мере нехватки кадров кидают орехи в кипящую воду и — шелк! — выскакивают готовенькие как на заказ повара, инженеры или строители.

Жаль, что так бывает лишь в сказках. Можно родиться и смелым, и настойчивым, и любознательным, с добрым сердцем и умелыми руками и думать, что ты, к примеру, прирожденный сыщик.

Мальчишкой Толя Белоусов именно так и думал. Книжками о хитроумных следователях зачитывался. О хирургии и не помышлял. Но в седьмом классе случилось ему увидеть, как работают хирурги.

Это была обычная операция — больному вырезали аппендицит. На глазах у Толи вершилось волшебство: хирург знал, что, где и как надо разрезать. И человек от этого не только не умирал, но должен

был стать здоровым. В руках у хирурга нож. Чуть дрогнет рука, и нож из спасительного станет губительным. «Вот это мастерство!» — думал Толя.

С того дня он решил стать хирургом. Решить гораздо проще, чем сделать. Но он был, наверное, по характеру прирожденным хирургом. Как те, лунные жители... Была в нем и настойчивость, и смелость, и тяга к новым знаниям. В семье не было врачей. Отец был военным, умел хорошо и много работать. Передал это качество и детям.

Место книг о сыщиках заняли книги о хирургии и хирургах. Он узнал о родоначальнике современной хирургии, жившем в средние века, — знаменитом французе Амбруазе Паре, которого ненавидела церковь и средневековые врачи за то, что он подверг сомнению их подозрительные учения и за то, что он сам был гениальным хирургом. Он узнал о Луи Пастере, который открыл новую эру в хирургии: обнаружил невидимые живые существа — причину инфекции — микро-

бов. Узнал о Листере, который искал способы уничтожения микробов. Толя сравнивал свои пальцы с пальцами фантастического доктора Сальватора из книги А. Беляева «Человек-амфибия» — длинными, подвижными, которые, казалось, могли сгибаться не только вниз, но и вбок и вверх. Как-то Толя прочитал про хирурга, который умел оперировать обеими руками. И Толя стал тренировать свою левую руку. Очень помогла ему, кстати, игра на пианино. Вскоре он так свободно стал управлять обеими руками, что мог одновременно делать разные дела: одной писать, другой рисовать или одной писать, а другой набирать номер телефона... Это была первая победа. А в хирургии, где идет постоянная борьба с болью, надо уметь побеждать не только боль, но и себя.

И вот он слушатель Ленинградской Военно-медицинской академии. Старинное здание выходит на Неву. На стенах памятные доски из мрамора — имена великих медиков, работавших здесь раньше. Ведь

это была первая академия в России, где готовили военных врачей, и называлась она Медико-хирургической. Их было много, этих памятных досок.

Перед одним именем он готов преклонить колени. Это — «чудесный доктор». Так в России называли Николая Ивановича Пирогова. Он жил в XIX веке и был виртуозным хирургом. Равных ему не было во всем мире. Но однажды он в хирургическом мастерстве превзошел не только именитых соперников, но и самого себя. Во время одной из войн Пирогов сделал за полтора дня ... шестьсот операций! Он прошел четыре войны. И больше всего страдал от мучений раненых. Было время, раненых оставляли на поле боя без помощи и никого не мучила совесть. Пирогов создал новую науку — военно-полевую хирургию. Он разработал способы спасения раненых во время войны. До него российская хирургия отставала

от европейской на несколько столетий. При нем преодолела этот путь за несколько десятилетий.

— Многому научила меня академия, — продолжил рассказ Анатолий Егорович. — Тайны строения и лечения человеческого тела узнал. Научился грамотно обращаться с хирургическими инструментами. Но я никогда не учился на животных и больных. Первые свои хирургические операции делал на ...подушках. И разрежешь, и зашьешь — подушка все вытерпит. И учеников своих учу тому же. На живых учиться — жестоко.

Уже на последнем курсе послал Анатолий Белоусов одну из своих научных работ на Всесоюзный студенческий конкурс. Но работу вернули. Не поверили, что написал ее студент, а не кандидат наук.

Но настоящую кандидатскую Белоусов стал писать уже потом. Называлась она «Огне-

стрельные ранения головы». По-настоящему защищать ему ее пришлось во время войны в Эфиопии. И выдержал он эту защиту блестяще. Был награжден орденом Красного Знамени.

Смотрела я на Анатолия Егоровича и пыталась представить его профессором. И не могла. Я-то думала, что профессора все лысые в черных шапочках или седые, а тут сидел спортивный человек с молодым лицом. Но был он самым настоящим профессором. И еще доктором медицинских наук. И лауреатом Государственной премии — он ее отдал в Советский детский фонд имени В. И. Ленина. И автором 118 научных работ и пяти изобретений. И американские хирурги к нему в гости приезжали и к себе пригласили. Что же в нем такого особенного? В нем был особенный талант — он заранее предвидел то, что многие хирурги предвидеть не могли.

СЛУЧАЙ НА ОХОТЕ

Поехал человек с друзьями в лес, поохотиться. Ружье заряжать не стал и лег с вечера спать. А один из друзей вышел побродить и ружье этого человека с собой прихватил и зарядил. А разрядить забыл. Проснулся утром человек, взял свое «незаряженное» ружье и потянул на себя. Выстрелом ему полруки разворотило.

Дело было в Карелии, и на

самолете человека доставили в Ленинград. Оперировал сам Белоусов. Долго ли коротко ли пришел ему руку обратно. А человек попался волевой. Очень любил он свою профессию и расставаться с ней не хотел. А в его профессии руки были необходимы. Ведь был он тоже хирургом.

Прошло два года. И вот шлет Александр Климчук Анатолию

Белоусову счастливую телеграмму о том, что сделал своими руками первую операцию, и успешно!

Вот так талант хирурга вернул человеку любимую работу, здоровье, а значит, и жизнь.

Тысячи операций сделал уже Анатолий Егорович. Всех своих пациентов уже и не помнит. Зато они будут помнить его добрые руки до конца дней.

СПАСИБО, ДОКТОР!

Вот мы уже и истории послушали, и чаю попили, и с Ирой — старшей дочкой — поговорили. Она тоже будет врачом, но только детским, как мама, педиатром. Фотографии фотограф сделал. Пора домой. Глянули, а за окном ливень.

— Возьмите мой зонт, —

сказал Анатолий Егорович и протянул обычный черный зонтик.

Понесла я несколько дней спустя зонтик обратно и свежую газету с собой захватила. Сенсация в газете: американским хирургам удалось прижизненно... голову десятилетнему

мальчику Тимоти Матиасу, который попал под автомобиль. Фантастика или реальность? Реальность. Хирургия сделала еще один шаг вперед. И это благодаря таким врачам, как Анатолий Егорович Белоусов. Спасибо, доктор!

Рисунки К. Почтенной

СТРАНА ПОЭЗИЯ

Его стихи, однажды прочитанные, уже не забываются. Их музыкальность поразительна! Вот послушайте: «В трюмо испаряется чашка какао». Или: «Намокшая воробышком сиреневая ветвь». Или вот: «У капель — тяжесть запонок». Попробуйте теперь забыть эти строчки — ничего не получится!

Природа в стихах Пастернака всегда одушевлена, она — один из главных лирических героев его поэзии. Плачущий сад из одноименного стихотворения «капнет и вслушивается: все он ли один на свете. Мнет ветку в окне, как кружевце, или есть свидетель». Ночная гроза, оказывается, способна фотографировать со вспышкой («Сто слепящих фотографий ночью снял на память гром»).

Процитированные строки взяты из стихотворений, составляющих книгу «Сестра моя — жизнь». У названия книги — подзаголовок «Лето 1917 года». Пастернак зафиксировал исторически конкретный период времени. Позже он писал: «В это знаменитое время 1917 года в промежутке между

двумя революционными сроками, казалось, вместе с людьми митинговали и ораторство-

10 февраля — 100 лет
со дня рождения
Бориса Леонидовича
Пастернака
(1890—1960)

вали дороги, деревья и звезды».

«Сестра моя — жизнь» сразу же выдвинула Бориса Пастернака в ряд первых поэтов

России. И сейчас нам уже невозможно представить русскую поэзию XX века без его имени.

Современники отмечали его жизнелюбие и юношескую энергию. Он долго не старел, и даже седина пришла к нему очень поздно. Калитка его дома в подмосковном поселке Переделкино никогда не запиралась. Его любили крестьяне, заходили к нему запросто, поговорить о жизни, о своих заботах. Зато Пастернака не любили власти. Он раздражал многих тем, что даже в самые мрачные времена нашей истории сохранял порядочность и человеческое достоинство.

Главная встреча с творчеством Бориса Леонидовича Пастернака еще ждет вас. Став взрослее, вы познакомитесь с его поэмами и поздней философской лирикой. Вы поймете и оцените такие стихотворения, как «Зимняя ночь», «Рождественская звезда», ставшие шедеврами отечественной поэзии. Вы прочтете его прозу, его роман «Доктор Живаго», вошедший в золотой фонд мировой литературы.

Сколь же мудрей и духовно богаче станете вы тогда!

* * *

Ты в ветре, веткой пробуящем,
Не время ль птицам петь,
Намокшая воробышком
Сиреневая ветвь!

У капель — тяжесть запонок,
И сад слепит, как плес,
Обрызганный, закапанный
Мильоном синих слез.

Моей тоскою выныянчен
И от тебя в шипах,

Он ожил ночью нынешней,
Забормотал, запах.

Всю ночь в окошко торкался,
И ставень дребезжал.
Вдруг дух сырой прогорклости
По платью пробежал.

Разбужен чудным перечнем
Тех прозвищ и времен,
Обводит день теперешний
Глазами анемон

1922 г.

ПЕТУХИ

Всю ночь вода трудилась без одышки.
Дождь до утра льняное масло жег.
И валит пар из-под лиловой крышки,
Земля дымит, словно щей горшок.

Когда ж трава, отряхиваясь, вскочит,
Кто мой испуг изобразит росе

В тот час, как загорланит первый кочет,
За ним другой, еще за этим — все?

Перебирая годы поименно,
Поочередно окликаая тьму,
Они пророчить станут перемену
Дождю, земле, любви — всему, всему.

1923 г.

ДВА ПИСЬМА

Кто знает: может, не надо было мне встречаться с Ниной Сергеевной. Ведь сама она явно не желала такой встречи, видимо мечтая забыть о своей минутной слабости. Но только она или такие, как она, могут ответить на вопрос, почему в трудные моменты люди перестают быть людьми и неправда торжествует над правдой.

В то время я работал в архиве, собирал материалы о трагических событиях в годы культа Сталина. Мой блокнот пестрел записями о злодеяниях палачей: необоснованных арестах, пытках, выбитых показаниях, расстрелах. Жуткая получалась картина.

И вот однажды открываю очередной том: на ордере — фамилия арестованного, а внизу — размашистая подпись начальника Ленинградского НКВД. Протокол допроса начинается с фразы: «Вы арестованы как участник шпионской организации. Прекратите упорствовать и дайте открытые показания о своей предательской работе...»

Арестованный отвечал, что ни в чем не виноват. Его спрашивали опять. Он стоял на своем. Страницы протокола начинали пахнуть кровью. И вот — надлом: человек не выдерживал пыток и со всем соглашался, оговаривал себя и других... Конец. Еще одна жизнь прошлестела передо мной страницами протокола и сгнула неизвестно где. Чтобы потом, через много лет, снова напомнить о себе: «...посмертно реабилитирован за отсутствием состава преступления». Это значит, человек был осужден ни за что, а после смерти признан невиновным.

Я закрыл том. Но что-то мешало отложить его в сторону. Не могу понять что. Снова перелистываю страницы и нахожу листок из школьной тетрадки, исписанный неровным детским почерком. Письмо четырнадцатилетней девочки — дочери

арестованного — к начальнику Ленинградского НКВД.

«Я пишу к Вам с просьбой объяснить мне, как в дальнейшем я должна вести себя в связи с арестом моего отца. Со своим отцом я часто говорила о будущем. Он мне говорил, что я должна работать на пользу нашей Родины и отдать этому всю жизнь. Теперь он арестован. Как я должна относиться к отцу: как к врагу народа и, следовательно, отказаться от него или же считать, что он неумышленно допустил какие-то ошибки, причинив ущерб Родине, и в соответствии с этим как-то иначе поступать? Очень прошу Вас ответить мне на это. Если он окажется действительно преступником, я поступлю так, как Вы мне укажете».

Вот так письмо! Неужели девочка действительно была готова отречься от своего отца и просила совета у незнакомого дяди? Или ее к этому принудили? Всякое в ту пору бывало.

Короче, стал я ее разыскивать и через некоторое время узнал адрес.

Еду. Дверь открывает седая женщина, почти старуха.

Спрашиваю: «Вы — Нина Сергеевна?» — «Да, — отвечает, — это я. Проходите в комнату». Я объяснил цель своего прихода: хочу, мол, узнать, что да как было. Она выслушала меня внимательно, говорит: «Сейчас будем чай пить, за чаем и поговорим». И ушла на кухню.

Огляделся я — комнатка небольшая, окно выходит во дворик-колодец. На стенках — старые фотографии. И одна из них мне знакома: волевое, мужественное лицо, глаза пронзительные. Точно — видел я этот снимок в архиве.

Тут Нина Сергеевна принесла чайник. Сели мы за стол, и стала она рассказывать:

— В феврале это было. Тридцать восьмого го-

Я пишу к Вам с просьбой объяснить мне, как в дальнейшем я должна вести себя в связи с арестом моего отца и как должна на это реагировать, как по-чужому так и по-своему.

да. Ночью, помню, зазвенела сонетка — раньше дверной колокольчик так назывался. Отец пошел открывать. Слышу в коридоре мужские голоса. Одеюсь, вышла. Увидела трех мужчин в гимнастерках. Один из них, картавый, вдруг сказал отцу: «Вы аг-гестованы. Вот аг-гдег на обыск». Ну, начался обыск. Они книжки листали, белье в комоде верошили, искали что-то. И главное — все так спокойно, молча. И мы — отец, мама и я тоже молчали. Один раз, помню, когда картавый взял в руки куклу — отец мне ее привез из командировки... Так вот, взял он ее в руки и начал потрошить (тайник думал, что ли, найти?), а кукла вдруг как будто ожила и сказала: «Мама»...

Нина Сергеевна показала на знакомую фотографию:

— Это отец. Он чекистом был. У него даже именной револьвер имелся — в гражданскую получил, за храбрость. Бывало, приезжал из заграничной командировки, много интересного рассказывал — и про испанских республиканцев, и про Гитлера, помню, говорил. И всегда так заканчивал: «Но знай, Нинка: нашу страну враг покорить не сможет, потому что у нас самая сильная в мире Красная Армия!» Я любила отца, гордилась им...

— А дальше что было? — спрашиваю, а сам жду — когда начнет о главном рассказывать?

— Ну что дальше. В школе узнали о моей беде, сказали: «Почему скрывала, что твой отец — враг народа?» А я отвечаю: «Он честный человек! Это ошибка». — «Неправда, — говорят, — НКВД честных людей не арестовывает. Подумай, как пионерка должна относиться к врагу народа, сделай выводы — тебе скоро в комсомол вступать!» Тут я и засомневалась. Я ведь верила тогда во все. И хотя в отца тоже верила, стала думать: наверно, он в чем-то виноват. Но в чем? — не знала. Вот и написала письмо главному начальнику. Стыдно вспоминать, но так получилось... Ответа, конечно, не дождалась.

— Потому не дождалась, — говорю я Нине Сергеевне, — что этот начальник вскоре был арестован и расстрелян. Между прочим, и у него была дочка — ваша ровесница, которая тоже писала тогда письмо в НКВД по поводу своего отца.

— Что вы говорите! — искренне удивилась собеседница. — Надо же — две абсолютно одинаковых истории.

Я пожал плечами. Не хватило духу сказать ей всю правду. Та девочка не отреклась от своего отца, хотя он был самый настоящий преступник — палач многих тысяч людей. А Нина Сергеевна — дочь честного человека — вела себя иначе и была готова поверить в самое худшее.

На этом наш разговор был окончен. На столе давно остыл чай, к которому мы так и не приоткрылись.

Я вышел на улицу. На вечерней улице радостно кружились снежинки, весело подмигивали огни светофоров. А у меня настроение — хуже не придумаешь. Но почему так бывает в жизни, я не знаю. И, видимо, не знает никто.

Е. ЛУНИН

Продолжим наш «Мир научной фантастики» рассказом «Тук» ленинградского писателя Александра Щербакова.

Александр Александрович Щербаков — представитель среднего поколения ленинградских фантастов. Он родился в 1932 году и, как сам утверждает, — «соблазнен прекрасной словесностью с дошкольного возраста».

В фантастике он автор повестей «Змий», «Кандидат-лейтенант», «Сдвиг», «Суд» и ряда рассказов. Его книга «Сдвиг», составленная из повестей «Сдвиг» и «Суд» и изданная ленинградским «Детгизом», в 1983 году была отмечена международной наградой Европейской ассоциации писателей-фантастов как лучшая книга года.

Фантастическая проза А. Щербакова отличается точным, образным языком, полна поэзии и юмора, о чем свидетельствует и публикуемый ныне рассказ, написанный еще в середине семидесятых годов.

А. ШАЛИМОВ

ТУК

А. ЩЕРБАКОВ

Любой уважающий себя специалист знает про «казус Балаева». Знать-то знает, но объяснить не может. Ничего не ясно. Ясно только мне и только то, что моя фамилия там вообще ни при чем. А чья при чем, я бы и сейчас с удовольствием выяснил.

Было это на программе Синельникова по свободному поведению. Этот Синельников был большой человек, всех знал, все мог. Идея у него была такая: «Каждый может быть космонавтом!» Он считал, что готовить космонавтов по несколько лет и зубрить каждый полет до автоматизма в земных условиях — это искажение великой идеи. И что все корабли неправильно конструируют. В них человек по рукам и ногам спутан. А полетов уже десятки в год, обучение чересчур усложнено, программы затягиваются. Корабль должен быть прост в управлении, как велосипед, а космонавт должен, как велосипедист, обходиться минимальными рефлексамии. Для определения этих рефлексов ему нужны были неподготовленные люди.

Я у него был двадцать седьмой.

И когда я, наконец, выстрелился, крутанул стандартный пируэт, получил разрешение и побегал на свой эллипс, мною овладело тихое блаженство.

Я чуть отклонился. Да, так вот. Ушел я за Луну, подразогнал ее от нее, полюбавался, получил с нее пеленг, проконтролировал орбиту, лег в плоскость, нацелил детекторы на Крабовидную, спектры шлепаю, считаю. Синельников задает мне свои комбинации, ворочаю мозгами, реагирую,

даю рефлексы, письма домой шлю. Тишина великолепная! И вдруг сутки на десяты слышу снаружи: «Тук!». Никакого «тука» не должно быть! Проходит час, и опять: «Тук!». И еще через час. Я, конечно, решил, что это Синельников мне сюрприз приготовил.

На связи в тот день со мной был Сережа Поликарпов. До сеанса было три часа, так что я еще три «тука» прослушал и Сереже излагаю: мол, так и так, снаружи регулярное постукивание с периодом в один час, нарушений в системах корабля нет, предлагаю выход в открытый космос для оценки ситуации. Он мне, как положено, дает контрольный тест по кораблю, контрольный тест по выходу и входу и выводит на связь с шефом. Шеф запрашивает рабочую гипотезу. Я докладываю: вероятнее всего, вошел в гравитационный контакт с неопределенным телом. Шеф пожелал услышать мой «тук». Не подвел, сработал точно в срок, и шеф выдает мне «добро».

Я — как ни в чем не бывало, а там, на Земле, оказывается, целая буря! Шефа моего винят в том, что подобный опыт ставит меня под угрозу и так далее, а он доказывает, что я здоров и что ситуация возникла самопроизвольно.

Ну я всего этого не знаю, облачаюсь в скафандр, проверяю все, как надо, шлюзуюсь, контролирую фал, разворачиваю опорный шест, конёчки в желобках шеста закрепляю, ориентирую Солнце в задний сектор, подаю газ, вываливаюсь наружу и, конечно же, как положено, обалдеваю.

Но Сережа мне покою не дает, проводит контроль позы, контроль шага, контроль свободы жеста. Я все это проделываю, а у самого в голове, как сейчас помню, одно: «Мамочки! Мамочки!» Перед носом у меня Дева, руки-ноги подсвечены, и топчусь это я передним коньком по Южному Кресту. Вот уж воистину неустойчивая ситуация!

В корабле в полумагнитном жилете невесомость почти не ощущается, а здесь уже невесомость полная. Чувство такое, что меня опрокидывает, опрокидывает, хочется в комочек собраться, вот сейчас кубарем покачусь!

Ловил я эту штуку с перерывами три часа. Было это вроде игры в кошки-мышки. Ничего не видно, «тук» сейчас на солнечной стороне. На солнечную сторону я выходить не хотел. Уж больно глаза слепит.

Наконец объявился мой «тук»! Выплыл он снизу, засиял в глаза, огромный, как планета. Потихоньку разворачиваю корабль, чтобы «тук» сам ко мне в руки приплыл. Я с кошелем сижу и, вы знаете, не пойму, далеко мой «тук» от корабля или нет. Мерещится, что вот он передо мною, руку протяни — возьмешь. Даже пару раз кошелем хлопал зря.

Дождлся все-таки, накрыл кошелем, ощущая — есть небесное тело солидных размеров, закрыл замок и — в корабль.

Кошель, он непрозрачный, но мягкий. На ощупь определил, докладываю на Землю: поймано цилиндрическое тело правильной формы, вероятнее всего, обломок какого-то спутника. Определил массу — почти килограмм, а вскрыть кошель до приземления не имею права во избежание поте-

ри стерильности. Порядок есть порядок. Поведение свободное, но не до беззакония.

Досиживаю я свою программу, и грызет меня неумное любопытство: что же это я такое поймал? Ломал я голову, ломал — ничего придумать не могу. На этих орбитах вроде бы никто ничего не терял. Я уж статистику потерь и аварий с Земли затребовал. Были даже разрушения старых спутников, но все это на нижних орбитах. Обломкам сюда никак не попасть.

На метеорит вовсе не похоже. Форма правильная, явно рукотворная. Может, обломок от инопланетного корабля? А может, это Синельников? Но нет, Земля, чувствую, тоже любопытствует. Задним числом уж я узнал, что конструкторам кошелей нагорело за то, что их непрозрачными делали. Велели мне показать кошель. Я его крутил перед камерой, крутил — академики аж крякают. И каждый раз предупреждают: «Не вскрывать!».

Долго ли, коротко — завернулся мой эллипс обратно. Все корабли такого типа, как мой, садились тогда на Луне. Там их использовали в качестве стройматериалов, а нашего брата отправляли на Землю на рейсовом порожняке. Сел я на Луну без приключений — и меня с моим кошелем мигом препроводили в сектор возвращения, на Гагаринскую.

Встречает меня целая депутация и вежливо изымает у меня мой «тук» в мешке. На вскрытие. А меня сразу на обследование.

Попробовал я рыпаться — медицинское начальство уперлось и ни в какую. И повели меня на тесты. И я требую, чтобы мне разрешили наблюдать вскрытие по стерео. Иначе не сосредоточусь на тестах. Добился — разрешили.

Вот, значит, вызывают меня к стерео. Кошель мой под колпаком. Финкель, знакомый мой, вместе в Бюрокане практику проходили, манипулятором орудует, народу толпа, все вокруг колпака сгрудились, мне ничего не видно. И звук отключен, попросить в сторону отойти нельзя, все руками машут, о чем-то спорят, и вид у всех какой-то недовольный.

— Ну, что? Насмотрелся? — говорит начальник. — Я же тебе говорил, что ничего не поймешь. Ты лучше ложись на спину вот сюда и погляди вверх. Видишь, колечки висят на ниточках? Ну-ка, скажи, какое колечко ближе всех, какое дальше всех, какое выше всех, какое ниже всех, какое больше всех, какое меньше всех...

Володя Финкель явился в перерыв.

— Отколол же ты штучку, Саня! — говорит.

— А что такое?

— Не заставляй, — говорит, — меня тебе рассказывать, что выудил ты в космосе не мышонка, не лягушку, а банку мясных консервов.

— То есть как? — говорю. — Какой же дурак ее там бросил?

— А вот так! — говорит. — И насчет дурака ничего сказать не могу. А очень бы хотелось, потому что, как тебе, может быть, известно, банка эта выпуска 1910 года, город Чикаго, фабрикант Армор.

— Что за ерунда?

— Ерунда не ерунда, а половина членов ко-

миссии молчит, будучи совершенно убеждена, что все это глупая шутка и что устроил ее ты. А вторая половина не молчит только потому, что не может понять, откуда ты, спустя сто лет, мог такую банку достать. Самойлов отправил мясо на анализ по длительности пребывания в космосе. И если что не так, то прими, Саня, мои глубочайшие соболезнования.

— Да какие тут шутки! — кричу. — Мне бы и в голову не пришло! Я сомневался, — говорю, — уж не Синельников ли мне это подстроил, чтобы скрасить отсидку! Клянусь тебе, Володя, отцами космоплавания, что я тут ни сном ни духом!

— С другой стороны, очень жаль, если это не ты, — заявляет Володя. — Уж очень они тут все умные. Пора бы им подстроить что-нибудь в этом роде для возмущения серого вещества!

— Вот, — говорю, — и займись! А я невинен и приму страдания напрасно.

— Напрасно не примешь, — успокаивает он. — Самойловские ребята — народ дотошный и понимающий.

Вот так я и влип в эту историю. Анализ показал, что эта проклятущая жестянка находилась под космическим облучением 85 ± 10 лет, так что я не виноват.

Но анализу все равно никто не верит. Все же знали, что я мастак на всякие штуки. «Ну, не

ты, — говорят, — так тебе!». Синельников видеть меня не мог. Посудите сами, какой разумный человек поверит, что банка чуть ли не в 1920 году загремела в космос, ушла на пять миллионов километров и сто лет сопровождала родную планету в качестве тушеной луны! Не поверит разумный человек и будет прав.

А я? Я про этого проклятого Армора слыхом не слыхал, что он сто лет тому назад свою фамилию на банках рисовал. Я всем твержу, что я тут ни при чем, все мне говорят: «Да-да», а сами глаза в сторону отводят. Только один нашелся, писатель, лысый такой, восторженный, взялся доказывать, что, значит, в 1920 году была предпринята тайная попытка выйти в космос, которая окончилась трагически. Он все уговаривал меня выступить перед школьниками и составить вместе с ним призыв к людям доброй воли о поисках материалов. «Наверняка, — говорит, — Алексей Толстой что-то знал. Я теперь понял, почему он написал «Аэлиту» как раз в те годы!» Послал я его к черту! Единственного человека, который мне верил, сам к черту послал! Ерунда все это! Невозможно, чтобы жестянка сто лет в космосе болталась!

Но ведь она же болталась!

Вот вам и «казус Балаева». И название придумали обидное: «казус...»

Рисунки Н. Андреева

УРОК ИСТОРИИ

ВИКТОР ПАЛЬМОВ. „КОМПОЗИЦИЯ С КРАСНЫМ ВСАДНИКОМ“ 1920 Г.

Когда я учился в школе, по истории у меня были пятерки. Да и потом, в институте, — других оценок я не получал. Наверное, это было потому, что я всегда старался знать больше, чем требовалось по программе. И вдруг, несколько лет назад, выяснилось: все мои пятерки — сплошная липа! О своем любимом предмете я имею весьма смутное представление! Даже о Революции и ее вожде Владимире Ильиче Ленине самого главного почему-то не знаю.

— Да ты не горячись, — утешал меня старый большевик Василий Ефимович Васильев. — Мало ли что в книгах да в учеб-

никах написано. Давай говорить конкретно. Вот простой пример. Первый Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил в июне 1917 года. А я в ту пору был старшим по охране членов ЦК партии большевиков. И по этой причине на съезде присутствовал с первой до последней минуты. А теперь вспомни, как об этом событии рассказывается в учебниках истории, книгах и кинофильмах о Революции? Говорится, что многие делегаты — эсеры, меньшевики и лица им сочувствующие призывали к поддержке Временного правительства. Они доказывали, что

в России нет такой партии, которая бы могла взять власть в свои руки. И в ответ на подобные выступления Владимир Ильич с места заявил: «Есть такая партия!» А я утверждаю: такого заявления с места не было и быть не могло! Почему не могло? Слушай внимательно.

В зале находилось больше тысячи делегатов от разных партий. А от партии большевиков всего 105 человек. И сидели мы не в центре, перед трибуной, как нарисовал на своей картине художник К. Ф. Юон, а справа, в конце зала. И в зале было так шумно — во время заседаний одни делегаты разговаривали, другие спорили и кричали друг на друга, — что если бы Владимир Ильич действительно произнес с места эти слова, его бы никто не услышал. Он их потом, когда пришел черед выступать, с трибуны сказал. Понимаешь, с трибуны, а не сидя в зале.

А вот еще пример — штурм Зимнего. Как представляют себе этот штурм сегодняшние школьники, да и не только они? Говоря словами Маяковского:

— Долой!
На приступ!
Вперед!
На приступ! —
Ворвались.
На ковры!
Под раззолоченный кров!
Каждой лестницы
каждый выступ
брали,
перешагивая
через юнкеров...

А я снова утверждаю: ничего подобного не было! Утверждаю не только как свидетель, но и как участник штурма — командир 2-го полка Красной гвардии. Не было столько смертей и крови. Все это — преувеличение, гипербола. Но то, что простительно поэту, непростительно историкам.

Помню, как удивил меня рассказ Василия Ефимовича Васильева. И как я не хотел с

ним соглашаться и долго не мог понять, зачем и кому понадобилось приукрашивать нашу историю. Ведь приукрашивали не только события, но даже фамилии. Не было во времена революции и гражданской войны матроса Анатолия Григорьевича Железнякова, а был матрос Железников. Одну только букву «и» на «я» заменили в фамилии легендарного человека, но так, что и родная мать не узнала бы.

Кто-то может сказать, что все это мелочи. Мол, надо ли выяснять, как и при каких обстоятельствах произнес Владимир Ильич свои знаменитые слова на Первом съезде Советов? И стоит ли уточнять, сколько человек погибло при штурме Зимнего?

Но если при штурме погибло всего 6 человек и Владимир Ильич искренне гордился, что штурм был по сути дела бескровным, ответ напрашивается сам собой: стоит. И — хотим мы этого или не хотим, — но любая ложь всегда начинается с мелочей. А ложь в нашей истории была большая.

Я читал в учебниках и отвечал на уроках о Великих сталинских пятилетках и успехах колхозного строя в деревне. А великим, как потом выяснилось, было только горе миллионов ни в чем неповинных людей, — сосланных в ссылки и лагеря, расстрелянных без суда и следствия.

Говорят, во всем виноваты Сталин и Брежнев. А я не согласен: во всем виноваты все. Все, кто кричал «Ура!» и «Да здравствует...», подхалимничал и ни о чем не думал.

Вот и сегодня, во времена Перестройки, мальчишки и девчонки спрашивают в письмах: кто виноват, что в магазинах нет самого необходимого и почему в школах нет учебников истории? Если следовать этой логике, — виноват Михаил Сергеевич Горбачев.

Неужели мы ничему не научились? Неужели урок истории для нас не впрок?

Ложь начинается с мелочей, а правда и все хорошее в жизни начинается с каждого из нас.

В. ВЕРХОВСКИЙ

СОФЬЯ ЗАКЛИКОВСКАЯ. „СТАРЫЙ И НОВЫЙ БЫТ“ (ФРАГМЕНТ) 1927 Г.

ПАВЕЛ ФИЛОНОВ. „ГОЭЛРО“ 1931 Г.

От редакции:

В этом году редакция предполагает опубликовать несколько материалов, рассказывающих о неизвестных или мало известных событиях Великой Октябрьской социалистической революции. Мы познакомим наших читателей с биографиями большевиков-ленин-

цев, первых народных комиссаров. Отдельные очерки будут посвящены сложным историческим этапам в жизни молодой советской республики: гражданской войне, новой экономической политике, коллективизации, индустриализации и т. д.

И. ВИКЕНТЬЕВ,
И. КАЙКОВ

Рисунки
Л. Московского

В 1967 году в США праздновали 261-ю годовщину со дня рождения Бенджамина Франклина — естествоиспытателя и политического деятеля. 261 свеча юбилейного торта зажглась электронным устройством, запущенным в действие от луча света. Отличие этого луча от всех остальных было в том, что он покинул далекую звезду Гамма Андромеду ровно 261 год назад — как раз в год рождения Франклина...

Оказывается, здесь применен изобретательский принцип: достройка веполя. Слово «веполь» происходит от сочетания двух других: «вещество» и «поле». Действительно, магнит притягивает гвоздь через магнитное поле, далекая звезда связана с электронным устройством через свет. То есть: магнит — магнитное поле — гвоздь, звезда — свет — устройство. А можно записать веполь и так:

ВЕЩЕСТВО₁ → ПОЛЕ → ВЕЩЕСТВО₂

Для любящих физику это очевидно. Но очевидный факт, оказывается, можно использовать для решения неочевидных задач. Вот одна из них: на глубине сотни метров работает бур и, если его резцы источатся, — станет быстро истираться сам бур. Постоянно поднимать бур и рассматривать резцы — нерационально... Какое поле подойдет для сигнализации буровикам (ВЕЩЕСТВО₂ — нашему) на поверхность Зем-

ли? Может, магнитное? Или радиоволны? Или ток? Сразу возникает клубок проблем: где взять источник энергии, как обеспечить надежную связь? Задача изящно решается в одно действие: под резцы надо заложить ампулы с резкопахучим веществом. На это решение получено авторское свидетельство СССР № 163559. Думаем, читателю понятно, как надежно и эффективно работает это изобретение...

Как видим, для достройки веполя использовано запаховое поле. Конечно, это не единственное его применение — так, в ГДР перед Новым годом опрыскивают специальным составом елки у дорог.. Если браконьер срубит елку — встречать Новый год он не сможет — в тепле дерево источает невыносимый запах.

Чтобы уверенно себя чувствовать при решении задач, в теории решения изобретательских задач (ТРИЗ) разработан список полей, наиболее часто используемых новаторами. Вот его сокращенный вариант: инерция, давление газа и жидкости (в струе или в объеме), колебания, звук, нагревание и охлаждение (температурное поле), электростатическое, магнитное, радиоволны, свет, запах; силы: тяжести, центробежная, упругости, Архимеда, реактивная.

Долгий список? Но еще дольше вслепую решать задачи методом «проб и ошибок»!

Огюст Пиккар — исследователь верхних слоев атмосферы Земли, космических лучей и

океана, построил батискаф — герметичную камеру для погружения. Но батискафом надо управлять: то погружаться, то всплывать. Вспомним, для подъема воздушного шара сбрасывают вниз мешки с песком. Вместо них Пиккар решил взять стальную дробь, разместив ее снаружи корпуса. Но как отсоединить ее для всплытия батискафа через герметичный корпус? Посмотрим список полей... Конечно, магнитным! Пиккар отключил электромагнит, и дробь отпала...

Особенно интересно взаимодействие магнитного поля с железным порошком или даже опилками — эти опыты каждый может сделать сам. Любой фильтр (например, в пылесосе) нужно чистить. Сделаем его из магнитного порошка. Работает фильтр, собирает пыль, запылится — выключим электромагнит — фильтр... рассыпался. Сдуем пыль и можем собирать фильтр вновь — включением электромагнита. Заметим — регулируя величину магнитного поля, мы делаем фильтр то более мелким, то крупным. Недавно советские изобретатели предложили на этом эффекте вечную мишень для стрельбы из лука. Почему вечную? Вся мишень — из магнитного порошка, удерживаемого на пластине магнитным полем. После вынимания стрел достаточно выключить поле и включить вновь — мишень готова.

А можно ли применить железный порошок для регулирования раскачивания ваньки-встаньки? Наверное. А может ли...

Впрочем, о ваньке-встаньке, о применении магнитного поля и порошка дома, в школе и на производственной практике мы узнаем из писем читателей. Лучшие идеи мы опубликуем.

А другие поля, кроме магнитного, могут ли пригодиться они? Да. Вот задача: как быстро счистить верхние подгнившие листья с кочана капусты — сей-

час их на овощебазах обрубают вручную. Взрослые изобретатели утверждают: надо быстро-быстро вращать кочан — под действием центробежной силы листья отлетят сами. Но не проще ли сделать это струей воздуха, жидкости или сильным электростатическим полем? (С электрическим полем сталкивались все: если причесаться или просто потереть расческу о костюм — к ней притянутся маленькие листки бумаги.)

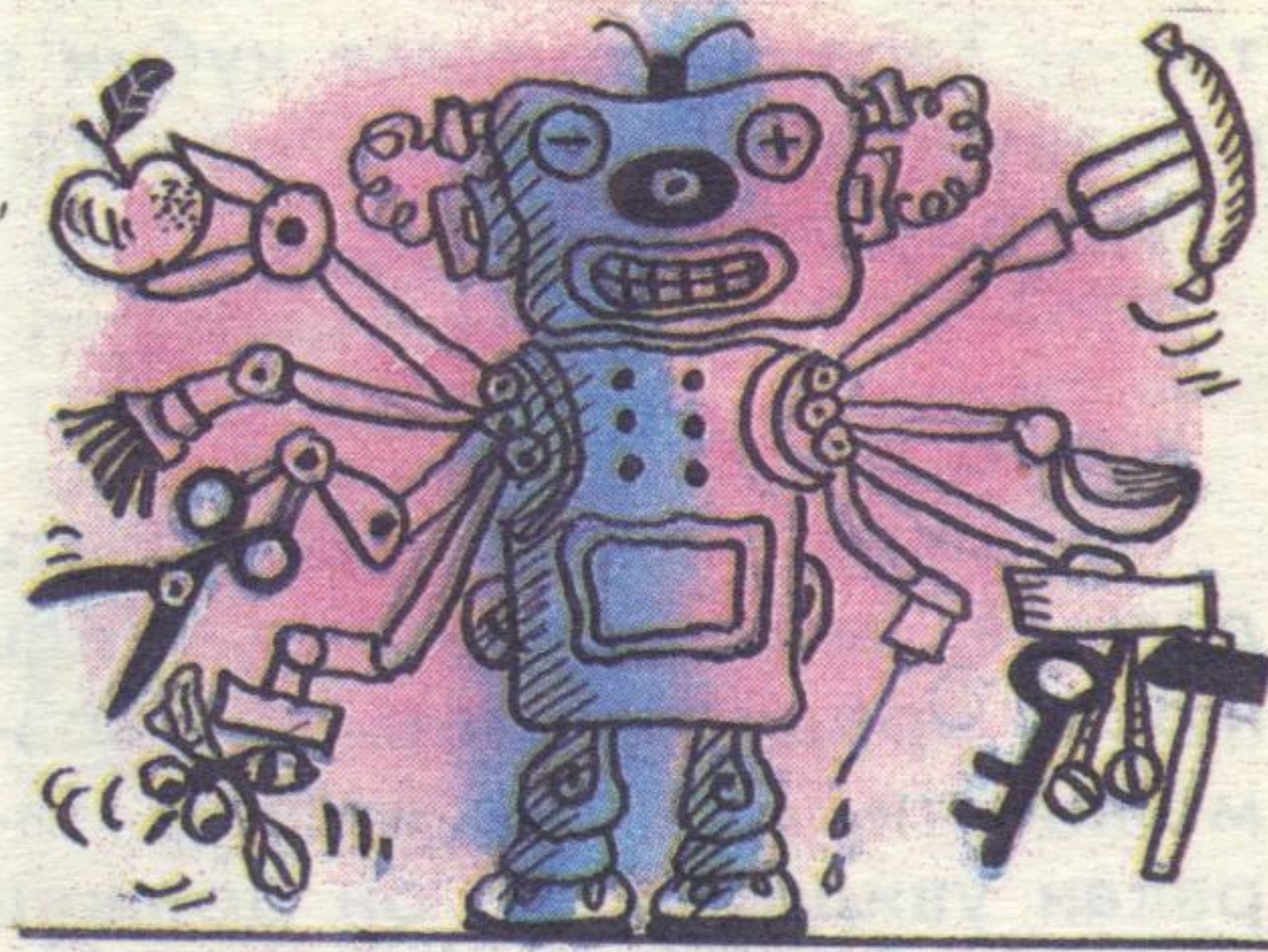
БАРЬЕР для изобретателей

Задача: две монеты в сумме составляют 15 копеек. Что это за монеты, если известно, что одна из них не пятикопеечная? Бывает, эту задачу не могут решить быстро. Хотя ответ прост — 10 и 5 копеек. Ведь требовалось, чтобы только одна монета не была пятикопеечной!

Первая мысль, что нельзя в решении использовать 5 копеек — пример инерции мышления. Что это такое? Нас с детства приучают: песок — это песок, из него малыши лепят куличики, а строители подмешивают его в строительный раствор. Щетки — ими чистят зубы, одежду, обувь. Но не все так просто оказывается в мире. Знакомая щетка может обернуться средством для уборки (вычесывания) ягод, гибким соединителем деталей и даже опорной поверхностью вездехода, одинаково хорошо облегаяющей рытвины и колдобины. Обычный песок, который, казалось бы, недопустим в машине, — отличный и дешевый амортизатор, «страхующий» сбрасываемые на него детали. Инерция мышления — привычные мысли, «штампы» — барьер

№ 1 для изобретателя. Ведь творчество — всегда изменение, отказ от привычного.

Вот показательный пример: перед конструкторами кремлевских звезд стояла задача — как их обезопасить, если над Москвой пронесется ураган? Ведь площадь звезды — до шести квадратных метров! И, конечно, первое, что пришло в голову, — раз нужно управлять, значит, надо громоздить специальную аппаратуру, которая уловит ветер и будет разворачивать звезды ребром к воздушному потоку. К счастью, от «инерционного» решения конструкторы скоро отказались. Они решили: пусть звезды разворачиваются сами, сделать это легко, если их ось чуть сместить от центра...

Можно ли бороться с инерцией мышления при решении творческих задач, например — наших? Сегодня мы расскажем о двух способах.

Актер Сергей Юрский получил роль профессора Полежаева в известной пьесе «Беспокойная старость». Но по пьесе уже был снят фильм, он полюбился зрителям, и роль профессора не таила для них никаких неожиданностей... Как быть? Вот размышления актера: «Первоначально я знал только, чего мне не хочется делать: я не буду играть рассеянность и поминутно хлопать себя по карманам в поисках нужной вещи. Не буду снимать и надевать очки и смотреть поверх очков «добрым понимающим взором». Не буду лихорадочно листать книги, писать, разбрасывая по столу листы, возиться с пробирками, переливая из пустого в порожнее. Не буду барабанить по столу и после этого говорить «так-с», откажусь от

всей этой замусоленной эксцентрики, от «профессорских штампов».

Актер нашел свой «ход» взамен привычных штампов, а для нас важнее вывод: как правило, первые решения творческой задачи — самые инерционные, и важно от них отказаться, искать дальше.

Рассказ о втором способе преодоления инерции мышления начнем с примера. Сколько раз мы устно давали ребятам задание: придумайте новый захват для робота, чтобы он мог взять и картофелину, и авторучку. В ответ нам предлагали кисть с двумя, тремя и четырьмя пальцами и, конечно, для управления ими — ЭВМ. Почему-то больше четырех пальцев не предложил никто... А ведь по принципу «числовой оси», о котором мы рассказали в первом выпуске, можно было предложить ту же щетку, что аккуратно «обнимет» любой предмет, или электромагнит с железным порошком. Возможен и... липкий захват, приклеивающий к себе любой предмет. Призвав на помощь воображение, мы до конца не решили, но выдвинули очень интересную инженерную идею — создание регулируемой липкости.

В чем ошибались ребята, предлагавшие лишь многопалые кисти конечностей робота? Они искали именно «захват» — ты чувствуешь? — само слово так и «подталкивает» к конструкции, основанной на «хватании», «сжимании». Как избавиться от инерции термина? Убрать из задания термин «захват»! Заменить его более общим «временно крепить».

Домашнее Задание

Идеи каких нетрадиционных фонтанов или фейерверков предложишь ты? Помни, слово «фонтан» прочно связано с представлением о струях воды... Советуем заменить это представление и отбрасывать первые пришедшие в голову решения.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РОБОТЛАНДИИ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ ДЕСЯТОЕ. ЕСЛИ... (РАЗМЫШЛЕНИЯ НА ПЕРЕПУТЬЕ)

Петя Кук настолько увлекся изобретением Кукарачи — роботом-Тараканом, что разговорам об этом исполнителе не было конца. Поэтому он очень огорчился, когда, вернувшись с прогулки, увидел, что кубики на клетчатой доске, по которой любил бродить Таракан, перевернуты.

— Тут кто-то набедакурил, пока нас не было, — сказал Петя.

— Ничего страшного, — успокоил Кукарача, — это сам Таракан и развлекался: его любимая забава — переворачивать кубики.

— Как же он это делает? Кукарача начал объяснять:

— Таракан работает по командам программы, записанной в компьютере. Когда буквы видны, все просто: программа предусматривает, какую букву куда надо поставить. Теперь представь, что Таракан подошел к кубику, на котором букву не видно. Что делать Таракану?

— Надо перевернуть кубик!

— Перевернуть кубик, — сказал Кукарача, — Таракан может, только толкнув его, то есть выполнив одну из команд: ВВЕРХ, ВНИЗ, ВЛЕВО или ВПРАВО. Вот посмотри.

И Кукарача расставил кубики, причем один поставил на клетку (3, 5) надписью вниз (на рис. 2 этот кубик отмечен зна-

ком (?). Наконец Таракан был водружен на клетку (2, 5).

— На перевернутом кубике, — сказал Петин друг, — либо Н, либо Р. Составь программу для Таракана так, чтобы он определил букву на кубике и вставил ее в нужное слово.

— Первая команда ВНИЗ понятна, — начал решение Петя. — Таракан толкает кубик и обнаруживает надпись на нем:

ЭТО РАЗВЛЕЧЕНИЯ
ВНИЗ

...
КОНЕЦ

Но как запрограммировать дальше, мне непонятно. Ведь нужно предусмотреть две возможности. Если на кубике Таракан увидит Н, то он должен выполнить команду КИНО:

ЭТО КИНО
ВПРАВО
ВНИЗ
ПОВТОРИ 2 ВЛЕВО
КОНЕЦ

А если на кубике окажется не Н, а Р, Таракану надо задать команду ЦИРК:

ЭТО ЦИРК
ВЛЕВО
ВНИЗ
ПОВТОРИ 2 ВПРАВО
КОНЕЦ

Выслушав рассуждения Пети, Кукарача сказал:

— Да, непросто! Но задачу можно решить, потому что компьютер, управляющий Тараканом, умеет понимать и выполнять команду:

ЕСЛИ Н
ТО КИНО
ИНАЧЕ ЦИРК

Это новый тип команды — называется условной командой. Так же как и команда ПОВТОРИ, условная команда задается не Таракану, а компьютеру, который управляет исполнителем при помощи программы. Вот как компьютер выполнит эту команду. Сначала исполнителю отправляется вопрос-условие: «Находится ли на только что перевернутом кубике буква Н?» (эта буква записана в условной команде сразу после ЕСЛИ). На такой вопрос исполнитель отвечает компьютеру либо ДА, либо НЕТ. Получив от исполнителя ответ ДА, компьютер посылает ему в качестве следующей команду КИНО (она записана после ТО), если же исполнитель ответил НЕТ, он получает от компьютера команду ЦИРК (она записана после ИНАЧЕ). Вот как выглядит полное решение нашей задачи.

ЭТО РАЗВЛЕЧЕНИЯ
ВНИЗ
ЕСЛИ Н
ТО КИНО
ИНАЧЕ ЦИРК
КОНЕЦ
ЭТО КИНО
ВПРАВО
ВНИЗ
ПОВТОРИ 2 ВЛЕВО
КОНЕЦ
ЭТО ЦИРК
ВЛЕВО

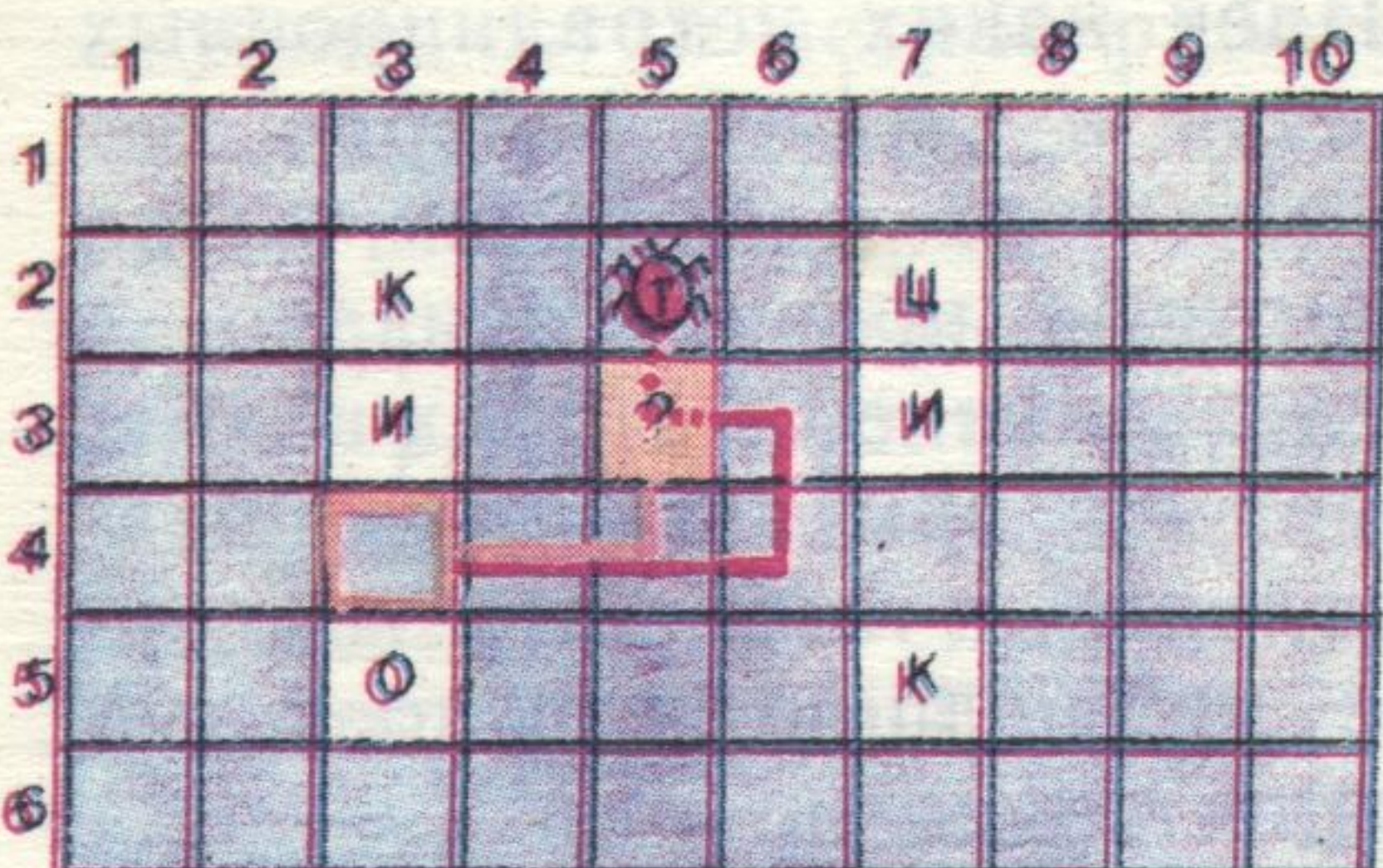

рис. 1

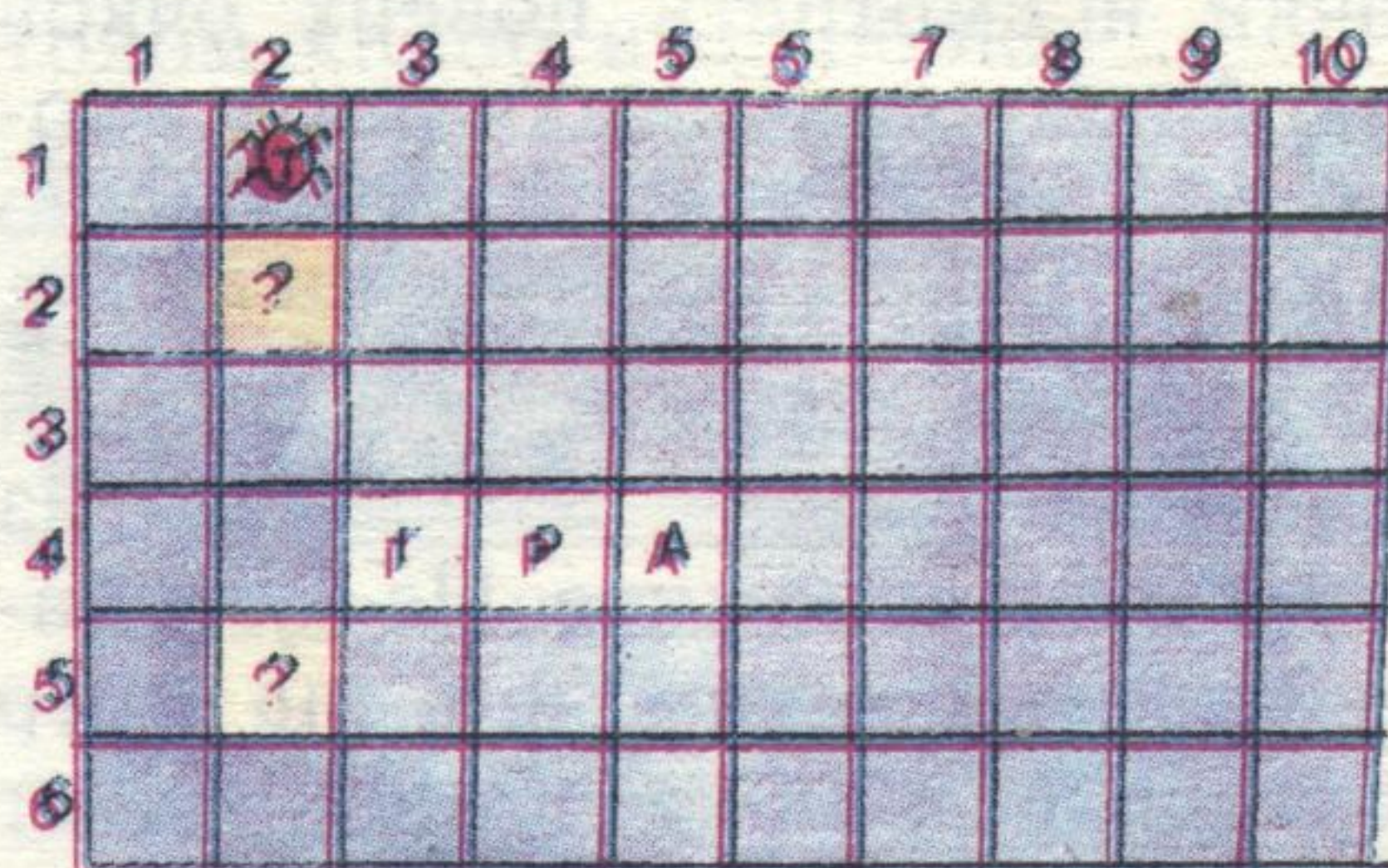

рис. 2

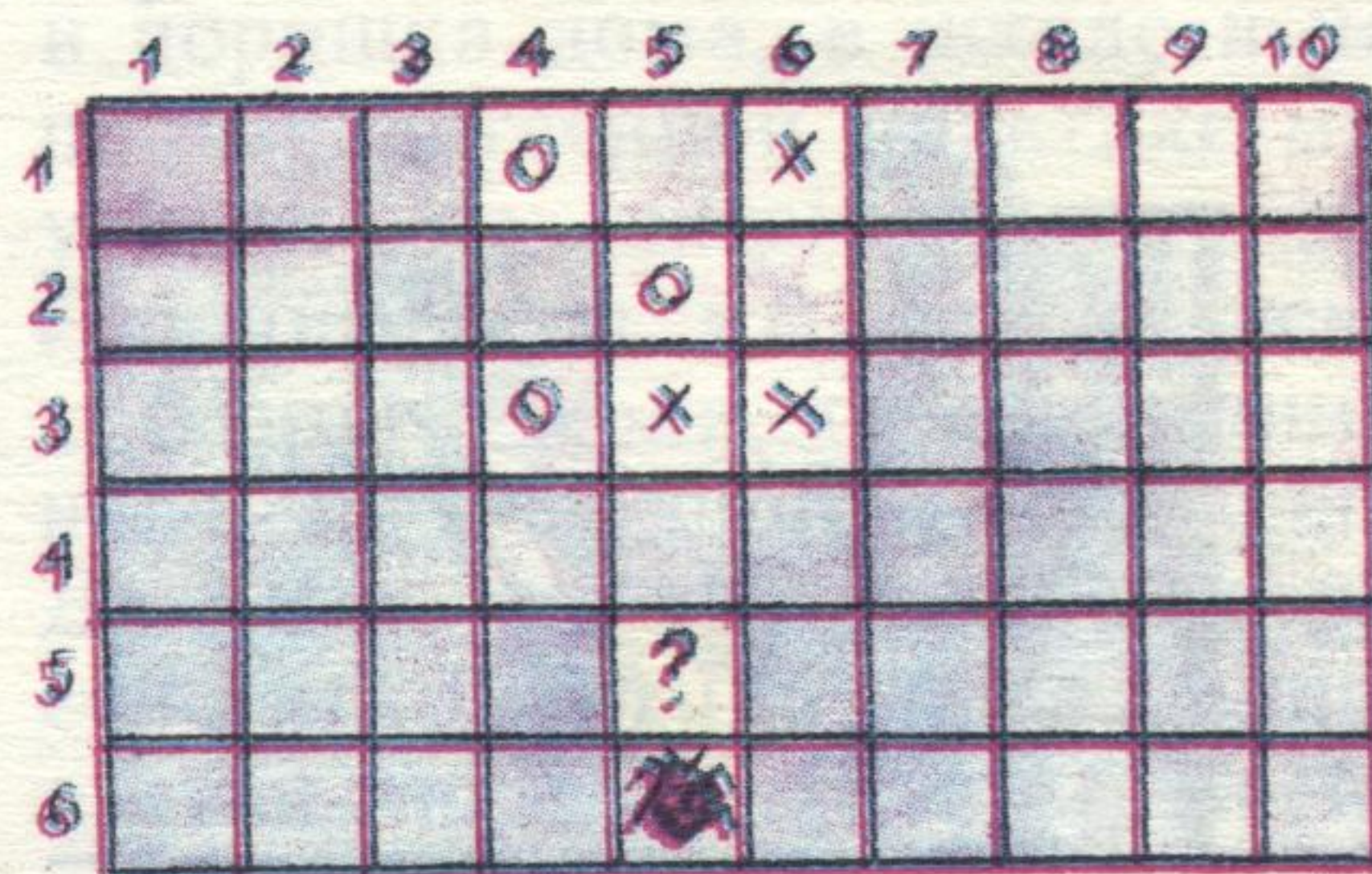

рис. 3

ВНИЗ
ПОВТОРИ 2 ВПРАВО
КОНЕЦ

Понятный исполнителю вопрос, на который существует только один из двух ответов — ДА или НЕТ, называют условием. Условия, которые понимает Таракан, просты. В программах их записывают в виде одной буквы (за словом ЕСЛИ). И тогда «перевести» такое условие на обычный человеческий язык можно предложением: «Совпадает ли перевернутая буква с той, что указана в условии?».

Правила использования условной команды:

1. Условная команда используется, когда надо предусмотреть различные действия исполнителя в зависимости от условия.

2. После слова ЕСЛИ записывается условие-символ.

3. После ЭТО и ИНАЧЕ можно писать не больше одной команды.

Петя попросил друга:

— У тебя наверняка есть еще задачи на условия и условные команды. Дай, пожалуйста, переписать. Я пошлю их в «Костер».

— Пожалуйста, — предложил Кукарача, — записывай!

Задача 1. На одном из перевернутых кубиков — буква И. Составьте слово ИГРА.

Задача 2. Ниф-Ниф и Нуф-Нуф играют в крестики-нолики. Кто из них выиграет, если Ниф-Ниф ставит Х, а Нуф-Нуф — О?

Задача 3. На перевернутом кубике либо З, либо Л. Помогите Таракану совершить космическое путешествие.

Кукарача посмотрел, как усердно пишет Кук задачи для читателей «Костра», и, набро-

	1	2	?	4	5	6	7	8	9	10		
1									Е	М	Л	Я
2												
3												
4												
5	?											
6												
7												
8												
9									У	Н	А	
10												

рис.4

сав рисунок, предложил задачу Пете: «На одном из перевернутых кубиков буква Л. Сделай слово СТОЛ».

Петя, не долго раздумывая, начал:

— Сначала толкаем кубик вниз. Если на нем буква Л, то задача уже решена и делать больше ничего не надо. В противном случае надо вставить в слово второй кубик. Все ясно, но как это записать в программе: «делать больше не надо ничего?»

— Очень просто. В этом случае ничего и не надо писать после слова ТО. Программист сказал бы, что в нашем примере условная команда имеет пустую ветвь ТО.

ЭТО СТОЛ
ВНИЗ
ЕСЛИ Л
ТО
ИНАЧЕ ВТОРОЙ КУБИК
КОНЕЦ
ЭТО ВТОРОЙ КУБИК
ПОВТОРИ 2 ВВЕРХ
ПОВТОРИ 2 ВПРАВО
ВНИЗ
ВЛЕВО
ВВЕРХ
ВЛЕВО
ВНИЗ
КОНЕЦ

Петя предположил:

— Раз уж бывают пустые ветви ТО, то почему бы не быть и пустой ветви ИНАЧЕ?

— Законный вопрос. Вот тебе задача: на одном из перевернутых кубиков буква Л, а на втором — Г; надо составить СТОЛ. Раз известны обе буквы на кубиках, значит, можно записать:

ЭТО СТОЛ
ВНИЗ
ЕСЛИ Г
ТО ВТОРОЙ КУБИК
КОНЕЦ

На этот раз в условной команде нет ветви ИНАЧЕ. Внимание: когда ветвь ИНАЧЕ

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1										
2	●	?		Л	А	Д				
3			?							

пуста, то даже слово ИНАЧЕ писать не надо.

Теперь можно дать задачу и читателям:

Задача 4. На одном из кубиков буква К. Составьте слово КЛАД.

Кукарача взглянул на часы, давая понять Куку, что уже поздно. Но Петя всерьез увлекся новыми возможностями Таракана.

— А можно ли в условных командах писать какие-нибудь другие условия?

Тогда Кукарача показал Пете две похожих условных команды:

— Команда
ЕСЛИ А
ТО ВЛЕВО
ИНАЧЕ ВПРАВО

заставит исполнителя сместиться влево, если на кубике буква А, и вправо, если на кубике другой знак. А вот по команде

ЕСЛИ НЕ А
ТО ВЛЕВО
ИНАЧЕ ВПРАВО

наоборот, исполнитель сместится влево, если на кубике не буква А, и вправо, если А. Догадался, почему так получается?

— Я думаю, потому, — предположил Кук, — что в условии второй условной команды вместо обычного условия написано условие со словом НЕ перед проверяемой буквой.

— Точно! — воскликнул Кукарача сообразительностью Пети. — Условие со словом НЕ называют отрицанием соответствующего условия без слова НЕ.

А. ДУВАНОВ,
Ю. ПЕРВИН

Оформление В. Шаронova

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1				?						
2				?	?					
3	С	Т	О							

рис.5

ВЕСЁЛЫЙ

ЗВОНОК

Составил и оформил
Л. Каминский

- Задачу сама ты решила, Ирина?
- Сама. Только, правда, наполовину...
- А кто на другую?
- Мама решала.

Правда, ей бабушка чуть помогала.
Жаль, что у них не сошелся ответ:
Наверное, что-то напутал мой дед.
И братец вмешался — нашелся мудрец!
Спасибо, с работы вернулся отец!..

Игорь ШЕВЧУК

Саше К-ну (Москва).

Прочитал твой рассказ. Но одну фразу я не понял: «Наша училка по матеше поставила Паше за контрошу парашу».

Может быть, ты попросишь свою «училку» перевести эту «парашу» на русский язык?

Учитель смеха

Дорогой учитель смеха! Посоветуй, что делать. Нам задали написать сочинение на тему «Мой четвероногий друг», а у меня никакого животного нет. Правда, у меня живет в квартире паук. Может, о нем написать?

Витя Т.
(Тула)

Конечно, напиши. Только сочинение назови «Мой восьминогий друг».

Учитель смеха

Дорогая редакция! Пришлите мне адрес Майкола Джексона. Я хочу с ним переписываца. Он меня поймёт потомучто я английский знаю как родной русский.

Юра Н.
(Луга)

Дорогой Юра! Если ты английским языком владеешь так же, как русским, то Майкол Джексон тебя не поймёт.

Учитель смеха

Уважаемый учитель смеха! Я поспорилась со своей лучшей подругой Юлей. Она сказала, что я сказала Наташе, что якобы Юля все про нее рассказала. На это я сказала, что больше с ней не дружу, раз она так сказала. Правильно я сказала?

Галя Т-ко
(Харьков)

Я бы этого не сказал.

Учитель смеха

Конкурс

«И все засмеялись!»

Поговоркам мамки

Расписка

Нам было дано домашнее задание составить расписку. На другой день каждый ученик читал свой вариант. И вот Толя прочел следующее:

«Я, Постников Анатолий, получил на складе тридцать пар коньков для проведения соревнований на лыжах...»

И все засмеялись!

*Таня Антошкина,
6-й класс,
Люберцы*

говаривал с соседом по парте. Вдруг учительница спросила:

— А что, Гусева нет?

Я встал и сказал:

— Я здесь...

— Удивительно, — сказала учительница, — а почему же ты тогда не разговариваешь? И все засмеялись!

*Павел Гусев,
5-й класс,
Новосибирск*

Первый сын

Шел урок английского языка. Мы проводили речевую зарядку. Диме попала карточка с английской фразой, которая означала: «Ты любишь свою маму?» Дима не нашел подходящую карточку с ответом и прочитал первую попавшуюся: «Ноу, сенк'ю!» (Нет, спасибо!).

И все засмеялись!

*Юля Васильева,
Минск*

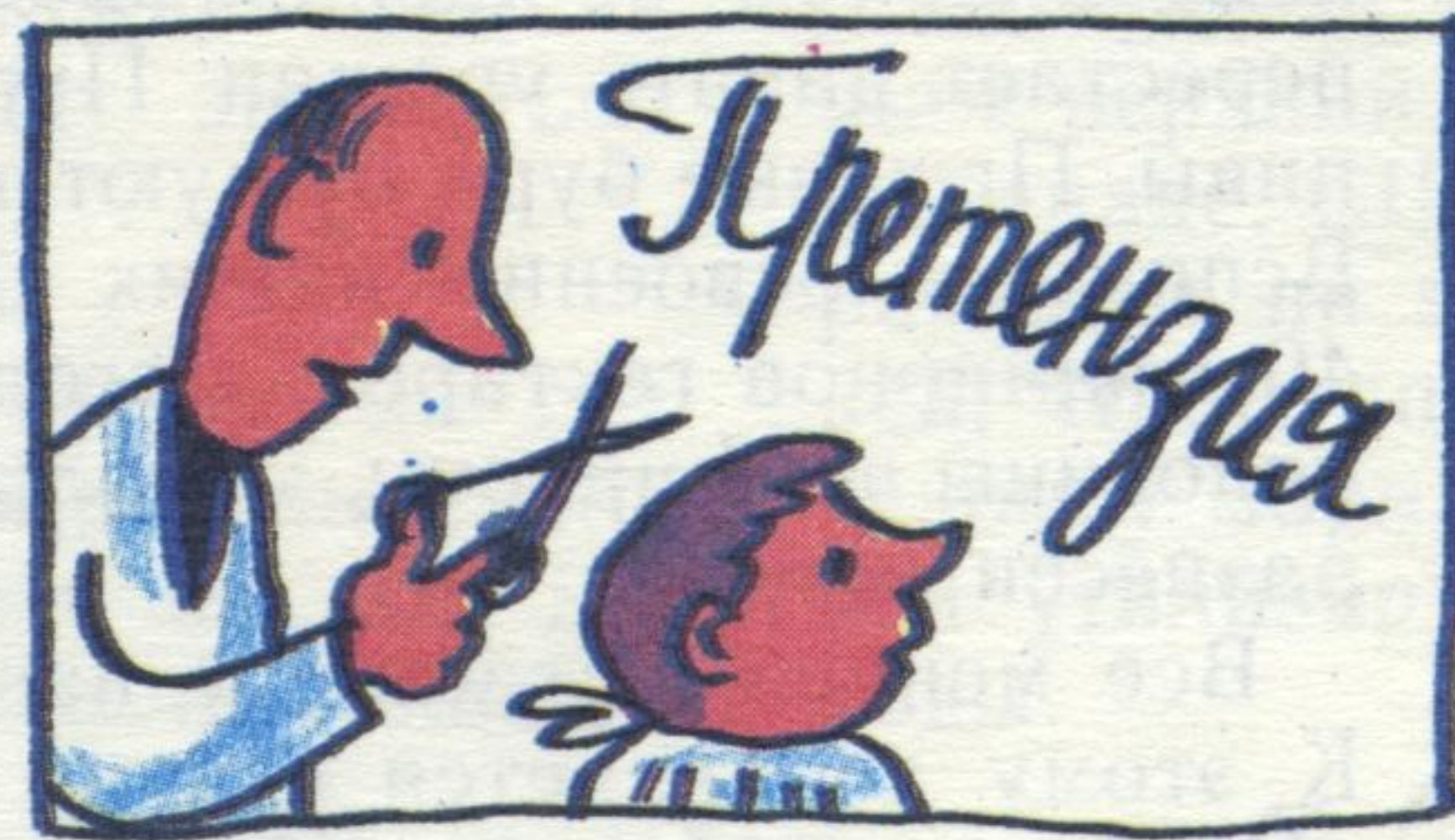
Благоустроенные коровы

На уроке русского языка мы писали сочинение на тему «Молочная ферма». Наталья Тихоновна вызвала Сергея, который прочитал:

— У нас в селе есть молочная ферма. Коровам там очень хорошо. Они покрыты черепицей и хорошо оборудованы.

И все засмеялись!

*Света Вербецкая,
6-й класс,
с. Бездык
Сумской обл.*

Стрижка

Это произошло в парикмахерской с моим братом. Он сидел в кресле и терпеливо ждал, когда его подстригут. Парикмахер закончил свою работу и сказал:

— Вот и все!

Но брат продолжал сидеть.

— В чем дело? — спросил парикмахер.

— Вы забыли меня продилофосить! — ответил брат.

И все засмеялись!

*Антон Щербаков,
6-й класс,
Биробиджан*

Необычный Гусев

Однажды у меня было плохое настроение, потому что мама отказалась купить мне велосипед. Поэтому я сидел на уроке грустный и даже не раз-

Бабушка укладывает спать мою сестренку Яну и поет:

— Баю-баю, баиньки, куплю внучке валенки...

Яна сквозь сон отвечает:

— А у меня уже есть...

Однажды я и папа забирали мою сестренку из детского сада. Алина держала в одной руке детскую сумочку, а в другой — пирожное. Папа сказал:

— Алина, ты бы поделилась с Владиком!

Сестра протянула мне сумочку и вежливо сказала:

— На, Владик, понеси!

Маленький Миша дома объявил:

— Сегодня воспитательница читала нам пословицы, поговорки и эти... скоро... скоровородки!

Папа пошел в баню и взял с собой березовый веник.

— Папа, ты куда? — спросила трехлетняя Шура.

— В баню.

— Ты что, собираешься в бане пол подметать?

— Я скоро в школу пойду! Я уже падежи знаю!

— Ну, скажи!

— Именительный — медведь, родительный — волк!..

Прислали:

*Вика Бугина (Москва),
Владик Улескин (Казань),
Болод Гармаев (с. Петропавловка Бурятской АССР),
Оля Уткина (Кемерово),
Антон Сухарев (Ленинск-Кузнецкий)*

ЗЕЛЕНЫЕ СТРАНИЦЫ

ФЕВРАЛЬ

В этом году мы продолжаем рубрику «Экологическая тропа», начатую в 1988 году, где мы рассказывали об основных понятиях экологии.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ТРОПА

Почва дает жизнь

Составила Н. ИВАНОВА
Оформление Т. Панкевич

В 1883 году на острове Кракатау раздался чудовищный взрыв. Это началось извержение вулкана. Когда осел пепел и остыла лава, остров был такой же безжизненный, как поверхность Земли миллиард лет назад. Не осталось никаких признаков жизни — ни растений, ни семян, ни животных, ни почвы...

Эта гигантская катастрофа позволила ученым проследить, сколько времени потребуется, чтобы на остров снова вернулась жизнь.

Первым на остров попал паук — прилетел на паутине. Синезеленые водоросли тоже занесло ветром. Бактерии, грибки, мельчайшие живые организмы создали условия, в которых уже могли прорасти споры мхов и папоротников. Море выбросило на берег семена ипомеи и других растений. Так постепенно формировался почвенный покров, а с ним появилась жизнь. С птицами, водой и ветром заносились семена. Приплывали питоны и вараны. На плавающих деревьях перебирались на остров насекомые и пресмыкающиеся. Жизнь вернулась. Полсотни лет трудилась здесь природа, создавая почву, на которой все может расти и жить. Правда, за такой небольшой срок и слой образовавшейся почвы был еще очень мал...

Мы ходим по земле, не подозревая, насколько тонок этот животворный слой почвы. Если глобус можно считать подобием Земли, то тончайший слой краски на нем можно сравнить по толщине со слоем почвы на поверхности планеты. Представляете? Пленочка! И кормит все живое на Земле. Плодородием почва обязана перегною, или гумусу. Гумусовый слой — это и есть природная фабрика всех полезных элементов, нужных для развития растений.

Но что же получается: ежегодно планета теряет до 8 миллионов гектаров плодородных земель. От вырубки леса, распашки склонов образуются трещины, овраги — это эрозия почвы. При неправильном орошении происходит засоление почвы, и она перестает давать урожай. Пустыни наступают на плодородные нивы. Пылевые бури бушуют там, где о них раньше и не знали. Вспомним освоение наших целинных земель. Было освоено 40 миллионов гектаров. Сегодня от них осталось чуть больше половины всей пахоты. Остальное улетело — плодородный слой разнесен ветром.

Все меньше остается у нас земель, пригодных под пашню. К этому добавляется еще и загрязнение почв. Какие только отходы не захоранивают в земле! Терпение почвы имеет предел. Загрязненная или отравленная ядами почва начинает отдавать их и в воду, и в воздух, и в нашу пищу.

Забота о почве — проблема не только сельскохозяйственная, но всеобщая экологическая проблема.

Живые индикаторы

Вы замечали, что в пригородном лесу все меньше становится муравейников? Не любят муравьи жить в загрязненной атмосфере, а если еще и почва начинена пестицидами? Первы-

ми из таких мест уходят крупные рыжие муравьи. Не выдерживают загрязнения и ценные грибы — белые, подосиновики, подберезовики. Они исчезают.

Есть, конечно, различные приборы, которые фиксируют загрязнение, определяют его концентрацию. Правда, не всегда прибор определит вредность такой «каши», где сотни различных химических соединений.

Порой вернее дадут ответ биологические индикаторы — живые организмы, исчезновение или поведение которых вовремя скажет о том, что почва или вода слишком загрязнены. К таким организмам относятся

на суше, например, дождевые черви, мокрицы или мелкие грызуны: лесные мыши, полевки. В каждой наземной или водной экосистеме есть свои живые индикаторы. А может быть, о таких индикаторах знаете вы?

*Наша
почта*

ПОТЕРИ

Что мы едим?

Почва подвержена многим напастям. Пример эрозии почвы — это овраги. Есть они и в нашем городе. Ребята с нашей экологической станции помогали обсаживать овраги кустарниками. Посадками мы укрепляли и берега Оки, на которой стоит наш город. Вред почве приносит засоление и закисление. И, наконец, грунтовые воды. На собственном опыте я знаю, как трудно садоводу, если в метре от поверхности земли подступает грунтовая вода. На такой почве не растут деревья.

А сколько плодородного гумуса уносится с полей вместе с овощами! Я стала заниматься этой проблемой. Дело в том, что в раковине мы смываем с овощей и зелени частицы гумуса — ценнейшего слоя почвы. В результате за 100 лет уносится с полей и смывается трехсантиметровый слой. Это не так уж мало, потому что за 100 лет природой создается 1 сантиметр гумуса. Эта тема еще мало изучена, но очень важна. Ведь легче уберечь, чем потом восстанавливать.

*Маша Моргун,
г. Пушкино*

Раньше в пойме Оки были заливные луга, их питали притоки Оки. С лугов два раза за сезон собирали отличные сочные травы. Но пришло распоряжение снабдить овощами Москву, и эти самые заливные луга распахали под поля совхозов. Два года поля хорошо плодоносили, но потом дело пошло хуже. Почва истощалась. Удобрения стали вносить по принципу «чем больше — тем лучше». Чем это обернулось, я поняла, занимаясь вместе с отцом проблемой содержания нитратов в овощах. Из-за неразумного применения азотных удобрений избыток нитратов — солей азотной кислоты — попадает в овощи. Для человека они — причина многих болезней. Вместе с отцом я собирала данные о содержании нитратов в продуктах детских садов и школ. Эти данные были заложены в ЭВМ. Полученные диаграммы о превышении норм — ужасное зрелище! И этими овощами мы питаемся! Как же выживут тогда наши потомки?

*Алла Ризванова,
г. Пушкино*

ЭКО-новость!

Пустыни Гоби и Такла-Макан завоевывают все большие территории. Чтобы остановить их, в Китае разворачивается кампания по созданию «великой зеленой стены». На протяжении 7 тысяч километров пустынные земли будут засеиваться травой, деревьями и кустарниками.

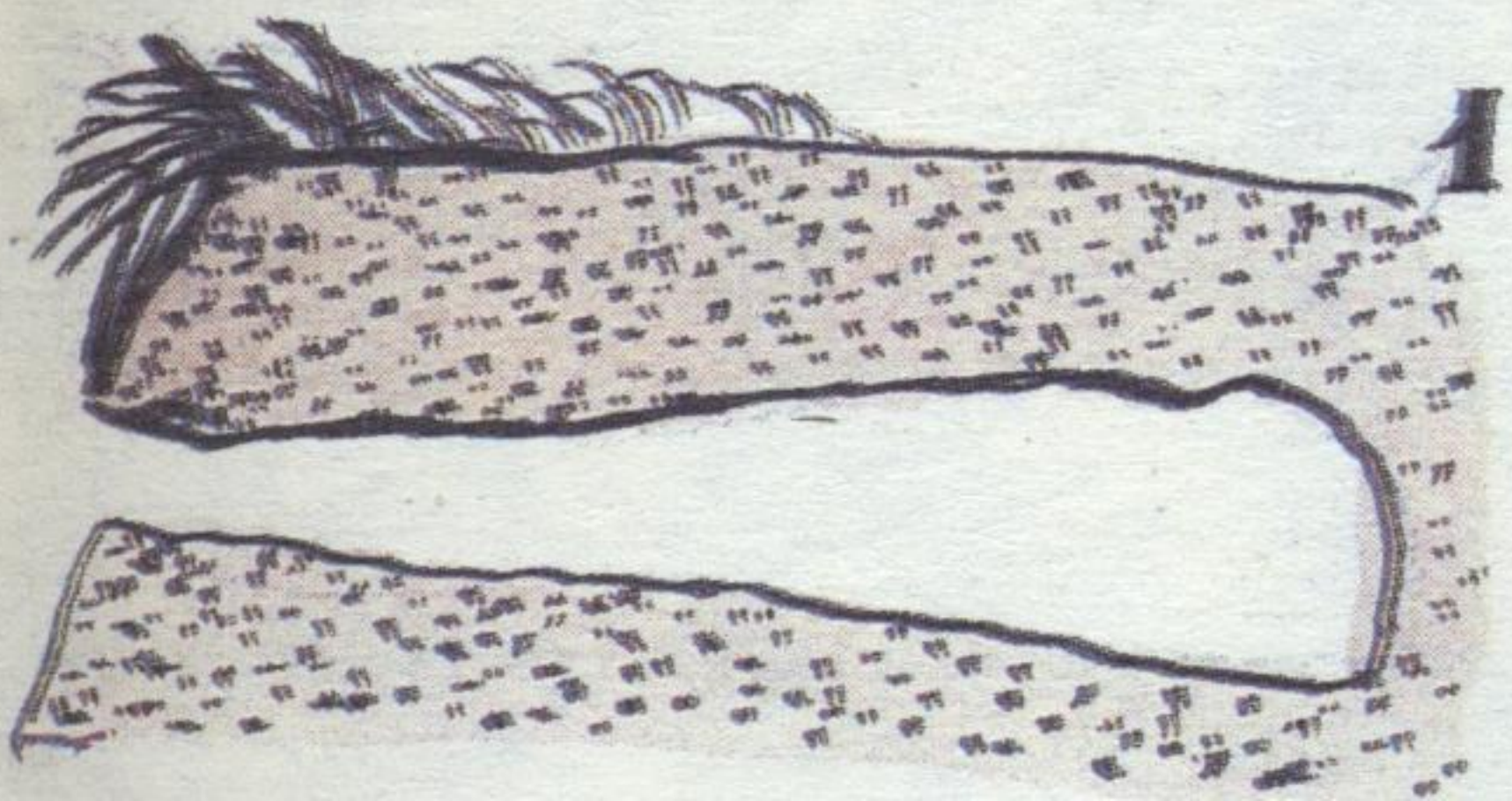
Долгое время считалось, что углекислый газ атмосферы в основном растворяется в океане. Новые исследования показали, что это не так. До трети всей углекислоты на планете поглощают

торфяные болотистые почвы. Это они во многом спасают Землю от углекислого затопления.

Дождевые черви неустанно трудятся, превращая верхний слой земли в плодородную почву. В Канаде, США, Италии и ФРГ дождевых червей разводят на экспорт. А Голландия закупает червей, чтобы внести их в земли, отвоеванные человеком у моря. Канада с помощью дождевых червей утилизирует городские и промышленные отходы.

*„Где гей дам“?
загадка*

Ты, конечно, узнал зимородка, тушканчика, бобра. Все они делают свое жилище в земле. Как ты понимаешь, норки и ходы к ним нарисованы в разрезе. Где чей дом?

Замир ВАЛИЕВ

МЫ УЧИМ БРАТИШКУ

Мы:

— Ма-ма...

Мы:

— Па-па...

Он:

— Ма-па и ма-па...

Мы с ним все устали,
а он без конца
зовет только вместе
и мать, и отца!

ДОБРЫЕ НАЗВАНИЯ

Кто-то называет меня братом,
кто-то внуком,
для кого-то я дядя,
и кому-то — сын...

Как хорошо, что в мире
столько добрых названий!
Ведь это, наверное, страшно,
когда человека называют
только по имени...

В ДЕТДОМЕ

У маленького ребенка
нет бабушки и котенка.

Он тень свою «Мать!» называет,
и тень его умирает...

Он тень свою «Отец!» называет,
и тень его умирает.

И ходит долго по свету
ребенок без тени, без тени...

ВОПРОСЫ

Мальчишками, лазая в школьном сарае,
мы наткнулись на памятник Сталину,
покрытый пылью,
с облупившейся краской на лице,
с маленькой звездой Героя на груди,
он стоял в темном углу сарая.
Столпившись, мы долго разглядывали его.
И помню, кто-то сказал,
что он стоял в городском парке,
и кто-то сказал, что он «плохой»,
и кто-то сказал, что он «хороший».
И выходили мы из сарая
с уже недетскими вопросами...

КОРНИ И КРОНА

Деревья растут в обе стороны —
кроной в небо
и корнями в глубь земли.
Деревья по пояс в земле,
и мы привыкли
к одной их половине...

Как много мы знаем о жизни ветвей!
Как мало мы знаем о жизни корней...

Рисунки П. Кузнецова

ИЗВЕСТИЯ ИЗ ШТАБА АРЧЕБЕКА

1. Все приславшие просьбу о включении в Чемпионат Армии Разведчиков Черно-Белых Клеток к участию допущены.

2. Еще не вступившие в АРЧЕБЕК могут это сделать сейчас. Заявку нужно писать на открытке («Прошу принять меня...» и т. д.) и отправить по адресу: 193024, Ленинград, Мытнинская, 1/20, «Костер», АРЧЕБЕК.

3. Каждый, кто вступит, сможет участвовать в сражениях на клетчатой доске (шахматы? шашки? то и другое?). А лучших ждут спортивные разряды, дипломы, призы!

Вступайте в АРЧЕБЕК!

ЧЕМПИОНАТ — 90

Доблестные разведчики! Боевые задания второго тура перед вами.

ШАХМАТЫ.

А. Белые: Крe1, Фс5, Лh1, Кс1; черные: Крb1.

Б. Белые: Крe1, Фе6, Ла1, Ка4, п. d2; черные: Крс2, Сf1.

Цель разведки: в обеих позициях (Николай Зиновьев. Усть-Каменогорск) объявить черному королю мат в 2 хода.

Разъяснение обстановки: решить двухходовую задачу — значит найти за белых такой ход, после которого при любом ответе черных их король от мата не спасется (пример смотри в «Костре» № 1).

РУССКИЕ ШАШКИ.

А. Белые: а5, с1, с3, d2, е3, f4, g1; черные: а7, b8, с5, d8, е7, g7, h4.

Б. Белые: а5, g1; черные: h2, h6.

Цель разведки: и в А и в Б определить, могут ли белые одержать победу.

Разъяснение обстановки: в А белые проводят комбинацию. Как это делается, можно спросить (на отдельной открытке!) у шахмат-адмирала Ферзьбери).

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ШАШКИ.

А. Белые: 20, 34, 39, 40, 48; черные: 18, 19, 28, 35, 38.

Б. Белые: 29, 39, 40, 43, 47, 50; черные: 7, 18, 23, 28, 32, 37.

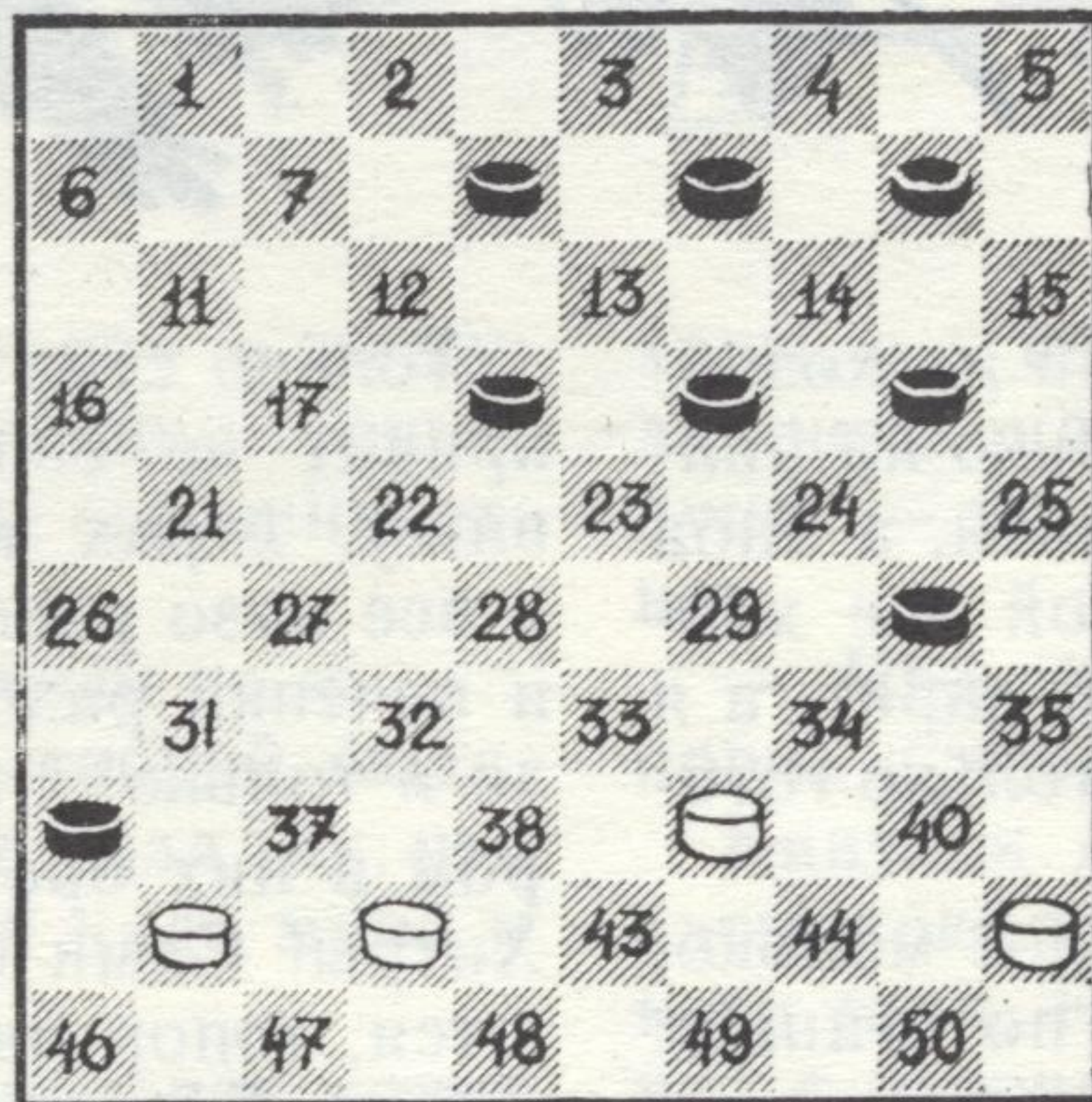
Цель разведки: доказать, что белые должны победить.

Разъяснение обстановки: МШ отличаются от РШ тремя правилами. Вот они.

Первое — при нескольких возможностях удара нужно бить там, где бьется больше шашек.

Второе — если простая с удара попадает на дамочное поле и может еще дальше бить как простая, то она, не останавливаясь, продолжает бить, но в дамку не превращается.

Третье — если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше бить как простая не может, то она останавливается и превращается в дамку. Эта дамка получает «дамочные права» только после ответного хода противника.

Смотрите, как действуют эти правила. Черные напали на шашку 41. Пользуясь правилами МШ, белые проводят комбинацию так: 1.42—38! Черная простая бьет 36:47, превращается в дамку и останавливается (третье правило!). Тогда 2.39—34!, после чего у черных есть удары простой 30 и дамкой 47, но они обязаны бить там, где бьется больше (первое правило!) — 47:40. Теперь белые бьют все 8 черных шашек — 3.45:5 (белая простая, попал с удара на поле 3, там не остановилась — второе правило!).

У кого есть вопросы по МШ — задавайте на отдельной открытке.

ЗАДАНИЕ РЕЗЕРВУ

1. Сыграть 25 партий (конечно, не за один раз), не огорчаясь при проигрышах, так как за битого двух небитых дают.

2. Написать рапорт о рокировке — что это такое? Когда рокировать нельзя? Зачем делают рокировку?

КИОСК «МГНОВЕННАЯ СПРАВКА»

— Если в задаче король и ладья стоят на своих первоначальных местах, то можно или нельзя делать рокировку?

— Когда ясно, что король или ладья уже двигались, то рокировать нельзя; когда же неизвестно, двигались ли они, то можно.

ОЧКИ! ПРИЗ!

Такая рубрика появится и в № 4 и в № 6. Решившие ее задачу получат дополнительно 5 очков, а трое (по жребию) и приз. Условие: писать ответ на отдельной открытке с пометкой «Очки! Приз!». Теперь — задача.

Два кемеровца — Игорь Ионов и Виктор Перетяшко — прислали позицию — белые: Крh5, Ле7, пп. g7, h4; черные Крh7, Лh8, Сf8, Кg8, п. h6. «Это получилось в нашей партии, — пишут они. — Кто из разведчиков возьмется тут дать мат в один ход?»

Итак: кто? В позиции таится некоторая хитрость...

БЮРО САМОПРОВЕРКИ

«Костер» № 10. Задание резерву. 1. h3 gh+ 2. Крf4 g5+ 3. Крf5. Вопрос — ответ! 1. Кd4! de 2. Кf3! ef 3. Кg2.

«Костер» № 11. Кому все ясно? 1. Кpg6 h5 2. Кр:g7! h4 3. Кр:f6 Крb6 4. Кре5! и т. д.=. Тренировочная кабина. № 1. 1.Фс8! № 2. 1.Лg7. № 3. 1. Лd7! Стол находок. а) 1.g5! 2. e7 3. b4! Х, б) 1. bc5! 2. ab6! 3. g5X, в) 1. 27! 2. 16X, г) 1. 31! 2. 25! 3. 42! X.

ПРИКАЗ № 2

Я, главнокомандующий АРЧЕБЕКом, приказываю:

§ 1. Всем разведчикам отправить рапорт в течение двух недель со дня получения журнала.

§ 2. Рапортовать на почтовых карточках, не вкладывая их в конверт.

§ 3. В левом верхнем углу рапорта указать номер тура и свой пароль (придуманное для себя слово или фразу).

Шахмат-адмирал Ферзьбери

Остался я без деда вдвоем с батюшкой на хозяйстве. Отец же был еще маленьким, только на палках дрался да с девчатами гулять учился, а баба была уже очень старая, и мы с женой все хлопоты на себя взяли; она, бывало, борщ варит, а я в лес за дровами езжу, а баба с отцом только готовое едят да над нами командуют.

Жена с бабою, бывало, любили парное молоко, а я с батюшкой кислое; так жена его по станице парит-парит, а мы за печкою с отцом киснем-киснем, пока дождемся да и наедемся.

Один раз поехал я в лес по дрова, а отец с женою дома, на хозяйстве остался. Приехал в лес, ищу дров, а их нету; что, думаю, за черт, куда ж они подевались? Смотрю — дерево, я к нему, а там дупло, а в дупле поросята печеные визжат.

Я очень обрадовался, потому что голодный был. Всовываю в дупло руку — не лезет, вставляю ногу — не лезет. Что делать? Тогда я разбежался да и заскочил весь. Наелся поросят, стал вылезать, ан нет — не вылезу. Может, поросятами объелся. Думал я, думал, да все не в лад. Насилу додумался! Взял сбегал за топором, прорубил дырку да и вылез.

А тут жара такая, что пот с меня так и льет! Кинулся я к воде, хотел напиться, а она замерзла. А над речкою вербы росли, а на вербах груши уродились, да такие пахучие, что как понюхаешь, так оскома прямо на нос садится. Отломил я одну ветку, стряхнул груши и стал лед долбить, да никак не пробью — толстый очень. Полез я в камыш, достал топор и вырубил прорубь.

Только стал воду пить, как слышу, кобыла моя кричит не своим голосом. Кинулся я в лес — вижу, страх какой, — волки на кобылу напали и все пузо разорвали, так что кишки повывадали и печенки разбрелись кто куда. Пропала кобыла да и только! Стал я за волками гоняться да топором в них бросать, так разве ж в них попадешь. Хитры! Сами бегут, а сзади хвостами прикрываются, топор на хвосте поскользнется да и упадет набок! Гонялся, гонялся — ни одного не убил, а песку тогда у меня не было, чтобы глаза им позасыпать.

Вернулся я к кобыле, рассмотрел получше и вижу — не все дело пропало, потому что кобыла на землю еще не упала, а на ногах стоит. Выломал я хворостину и давай печенки собирать да кобыле в пузо зашивать. Зашил все как следует, сел верхом и поехал; еду, еду, вдруг — что такое — кобыла моя раз и встала, я ее батогом, я ее кнутом — не идет и все тут. Что ж, думаю, такое, чего она не идет? Оглянулся назад, а из стебля, что я пузо зашивал, выросла высокая верба, вцепилась верхушкой в самое небо да и не дает нам с кобылой ходу.

Вот так штука! Стою я, смотрю, а дальше и думаю: полезу-ка вверх, обрублю ветку, чтоб она за небо не цеплялась. Взял и полез аж на самый верх вербы. Стал ветки обрубать, да ненароком как засажу топор в самое небо, а оно только — тресь! Как склянка на меня и посыпалось! Глянул я, а на небе — дырка. Тут я и надумал: а давай, мать честная, залезу на небо, ведь сроду там не

бывал. Только просунул в небо голову и вижу: там, недалечко, сидит мой дед и вареники гречневые с сыром ест. Увидал он меня и спрашивает:

— Это ты, Охрим?

— А то кой черт, — отвечаю, — если не я!

— Так лезь, — говорит дед, — скорей сюда.

Влез я на небо, да поскользнулся и упал так, что все небо затарахтело. А дед смеется надо мной и говорит:

— Это тебе не на земле! Тут, брат все ходят подкованные на задние ноги.

Повел меня дед в кузню, подковал хорошенько, а тогда уж и пошли по небу ходить. И чего только там я не видел! Повсюду на небе деревья всякие растут, да так пышно, что и глазом не окинешь: тут, возле нас, росли вербы, а на вербах вареники гречневые с сыром да со сметаной. Очень мне захотелось тех вареников. Только хотел спросить деда, можно ли поесть, раскрыл, было, рот, как тут же один вареник оторвался да прямо мне в рот. Взял я тот вареник, а тут уже и другой лезет! Хожу я с дедом, удивляюсь, вареники ем, пока не наелся. И каких только на небе чудес нет!

Идем мы дальше, вдруг видим — большая-пребольшая хата стоит, а в той хате полно разных мастеров. Зашли мы в хату, а там такая стукотня, что не приведи господь! Одни мастера гром куют, другие — молнии крошат, третьи ветер делают. И все, что ни сделают, складывают в особой хате — на запас, только, значит, понадобится, а у них уже все готово. Пошли мы с дедом вдоль той

хаты, а у нее в стене, сбоку, затычка. Я не знал, для чего она, взял да и ототкнул. Как оттуда ветер дунет — так меня с ног и повалил! А дед как крикнет:

— Что ж ты наделал! Теперь прогонят тебя прочь с неба!

Кинулся дед к той дырке, да пока заткнул ее затычкой, так ветер беды натворил не меньше всякого горя. Как пошел крутить по небу, постряхивал с деревьев весь дождь, и град, и снег — все это попадало с неба на землю. Недолго я там был: кто-то взял и турнул меня с неба!

Полетел я торчком вниз, об тучку споткнулся, сто раз перевернулся, об землю бы убился, если бы на тот свет не провалился! Начал я тут горевать, собрался, было, плакать, как опять у меня беда: глаза есть, а слез нет. Как на небо лез, может, их дома забыл. Ну, думаю, если так, — оно и лучше.

Иду я, иду, вдруг глядь: стоит дворец из куриных яиц, сыром огороженный, сметаной вымазанный, блинами увенчанный — на солнце блестит, как огнем горит.

Пошел я в тот дворец, вошел в одну комнату — нет никого, зашел в другую — тоже никого, глянул в третью — и там никого, а как посмотрел в четвертую, а там царь с царицей восседают, из бочонка водочки вкушают, а бочонок: буль-буль-буль, а кто слушал — тем семь дуль.

Перевод с украинского
Надежды МЕЛЬЧАКОВОЙ

Рисунки А. Ивашенцовой

Что проще всего приготовить на завтрак к чаю? Конечно, БУТЕРБРОД. Намазать хлеб маслом и положить на него ломтик сыра или колбасы. А если посмотреть на приготовление бутербродов, как на искусство? Возможности для творчества здесь великолепные. Можно даже принять гостей, заварив чай и сделав «бутербродный стол».

Не нарежь хлеб толстыми кусками. Их толщина — 1—1,5 сантиметра. Можно ломтик батона вырезать фигуркой: прямоугольником, треугольником, ромбом, кругом, цветком. На кусочек колбасы положи кружок крутого яйца, помидора, веточку петрушки или перышко зеленого лука. Можно накрыть колбасу листом зеленого салата, а сверху капнуть майонеза. Для бутербродов годится не только колбаса, ветчина, но и отварное мясо, курица. Украсит бутерброд и обогатит его вкус кружок соленого или свежего огурца, редиса. Хлеб, масло, соленая рыба и помидор хорошо сочетаются. Бутерброд можно сделать с помощью небольшой порции салата или винегрета. Бутерброд с творогом посыпать сахарным песком или солью с перцем, с растолченным чесноком. Попробуй намазать ломтик хлеба маслом, положить на него кружок яблока с вынутой серединкой, а в нее опустить небольшую порцию варенья. Бывают слоеные бутерброды. Для такого отрежь три ломтика хлеба (лучше перед приготовлением слегка их поджарить), промажь маслом или майонезом и начини каждый слой продуктами, которые можно совместить.

Попробуй сделать бутерброд по болгарскому рецепту: брынзу (если очень соленая — вымочи) с мелко нарезанным помидором, натертым репчатым луком разотри, добавь подсолнечного масла, чуть лимонного сока, слегка поперчи. Укрась бутерброд кружком соленого огурца, мелко нарезанной зеленью или веточкой зелени.

А вот итальянский бутерброд — пицца. Булку намажь томатной пастой, сверху положи ломтик плавленого сыра и пряную зелень: если ты живешь в южных областях — эстрагон, базилик (можно заменить гвоздикой с корицей) и пр., на севере — нарезанный укроп, петрушка. Посоли, поперчи, присыпь тертым сыром и запеки в духовке.

Готовь бутерброд перед едой, а если ждешь гостей — перед их приходом. Положи бутерброды на блюдо или большую тарелку, покрытую полотняной или бумажной салфеткой.

КРАТКИЙ ДОМАШНИЙ СЛОВАРИК

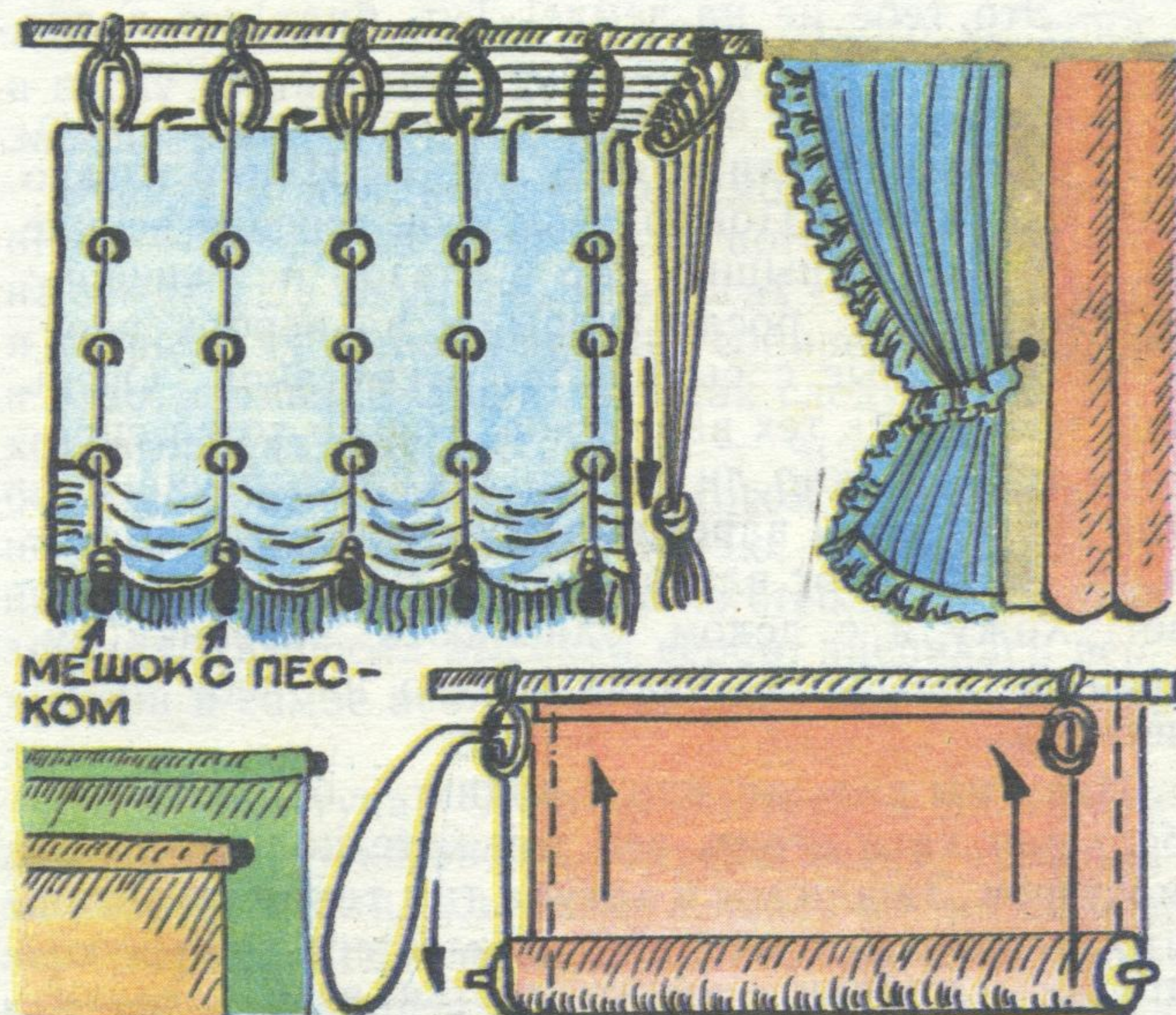
ВЕРХОШОВ, или ВЛАДИМИРСКОЕ ШИТЬЕ — гладь, один из красивейших способов вышивания. Верхошов распространен во Владимирской области. Рисунки — цветы и фрукты. Цвет — яркий, много красного. Стежки идут от одной стороны рисунка к другой. (В лепестке, листке по направлению прожилок, в круге — от края к центру). Иголочка с ниткой слегка прихватывает ткань по контуру рисунка (внимательно смотри рисунок), с изнанки получаются мелкие стежки, повторяющие рисунок, а лицевая сторона плотно укрыта гладью. Теперь ты понимаешь, почему гладь названа — «верхошов». Крупные детали рисунка по контуру вышиваются стебельчатым швом, иногда чередуются с «глухой сеткой». В этом случае нитка протягивается с одной стороны рисунка к другой, эта «клетка» закреплена крестиком. Даю тебе рисунок для сумки. Сшита она из прямоугольного куска полотна, отделана шнуром. Красивой ее делает вышивка. А потренироваться ты можешь на небольшой сумочке-«кармашке» для своей маленькой сестры.

ГАЛЕТЫ — соленые сухари.
ГАРДИНА — занавесь, закрывающая все окно.
 А чем она отличается от занавески, шторы, портьеры, жалюзи? Прежде чем прочтешь, попробуй сама дать ответ и проверь, правильно ли понимала эти слова.

ЗАНАВЕСКА, ЗАНАВЕСЬ — то же, что и гардина. А вот ПОРТЬЕРА — это плотные раздвигающиеся занавеси из одного или двух полотен для окна или дверей. Гардины шьются из легкой ткани или тюля, а портьеры из драпировочной материи. Часто сочетают тюлевые занавеси с тяжелыми портьерами, укрепляя их на одном карнизе. ШТОРА поднимается вверх в виде рулона или собирается кверху на шнурах. Обрати внимание на устройство фестончатой шторы: шнуры продеты в колечки, нашитые на ткань, и заканчиваются грузиками (например, мешочками с песком). И та и другая штора нарисованы с изнанки, то есть стороной, которая обращена к оконному стеклу. ЖАЛЮЗИ — та же штора на шнурах, но из деревянных пластинок.

Рисунки Т. Петуховой

Путешествие Дежнева

Во времена Дежнева и раньше того люди не знали, существует ли между Азией и Америкой морской пролив? Соединяются ли Тихий и Ледовитый океаны?

Некоторые ученые считали, что такой проход есть и даже рисовали его на картах и назвали — Аннинским проливом. Но эти предположения были ничем не доказанными.

Другие ученые считали, что существует перешеек, соединяющий Азию с Америкой. Очень важно было узнать точно: есть пролив или нет! Ведь при его наличии можно было бы Северным морским путем пройти в Китай, Японию, Индию — страны, привлекавшие купцов Европы своими богатствами. Путь, огибающий Африку с юга и потом проходящий вдоль Азии, был чрезвычайно длинным. Решить задачу выпало казаку Семену Ивановичу Дежневу.

Жизнь служивых людей была полна лишений. Но это были отважные путешественники, закаленные в опасных походах, привыкшие к тяжелому климату.

Зимой — морозы до шестидесяти градусов. Летом сущее бедствие — гнус.

Два года собирались в экспедицию приказчики одного из богатых устюжских купцов — Федор Попов и Семен Дежнев. Они прослышали о несметных богатствах на реке Анадырь, и эти сведения надо было проверить.

Летом 1648 года путешественники со многими казаками на нескольких больших лодках-кочах отправились из устья реки Колымы и взяли курс на восток. Опасен путь по Восточно-Сибирскому и Чукотскому морям. В бурях, среди льдов, чтобы управлять утлыми суденышками, нужно было высокое мореходное искусство, выдержка и мужество.

Часть кочей разбилась или пропала. Людям приходилось высаживаться на берег, отражать нападения воинственных местных племен. Но они чинили корабли и снова пробивались на восток. Все дальше и дальше...

Через два с лишним месяца плавания путешественники обогнули Большой каменный, или Чукотский Нос (теперь его называют мысом Дежнева) и вышли из Ледовитого океана в пролив, который сейчас мы называем Беринговым.

Так мореходы открыли пролив между Азией и Америкой.

Так простые русские люди разрешили многовековую загадку. А карты, русские и зарубежные, — карты северо-востока Азии — пришлось исправлять: согласно сведениям, которые добыли Попов и Дежнев...

О. СТРЕЛКОВА

Карту путешествия С. Дежнева смотрите на 4-й странице обложки

Главный редактор
О. А. ЦАКУНОВ

Редакционная коллегия:
В. М. ВЕРХОВСКИЙ
О. П. ОРЛОВ
Р. П. ПОГОДИН
Е. В. СЕРОВА
Н. И. СЛАДКОВ
А. Я. ТОЛСТИКОВ (отв. секретарь)
Н. Б. ХАРЛАМПИЕВ (зам. гл. редактора)
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
В. И. ЦИКОТА

Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА

Корректор
Г. А. БЕЛЬТЮКОВА

Адрес редакции:
193024, Ленинград,
ул. Мытнинская, 1/20,
телефон: 274-15-72

К сведению уважаемых авторов!
Редакция рукописи не рецензирует, а только сообщает решение.

Рукописи объемом свыше трех авторских листов (70 страниц машинописного текста) к рассмотрению не принимаются.

Рукописные материалы объемом до одного авторского листа (25 страниц машинописного текста), рисунки и фотографии не возвращаются.

Жалобы на полиграфический брак, замечания по типографскому исполнению отдельных номеров журнала следует направлять по адресу типографии.

Сдано в набор 05.10.89

Подписано в печать 01.12.89.

М-21349

Формат 60×90¹/₈.

Печать офсетная

Усл. ч. л. 6

Усл. кр.-отт. 22

Уч.-изд. л. 8,2

Тираж 1240000

(2-й завод 50001-1240000)

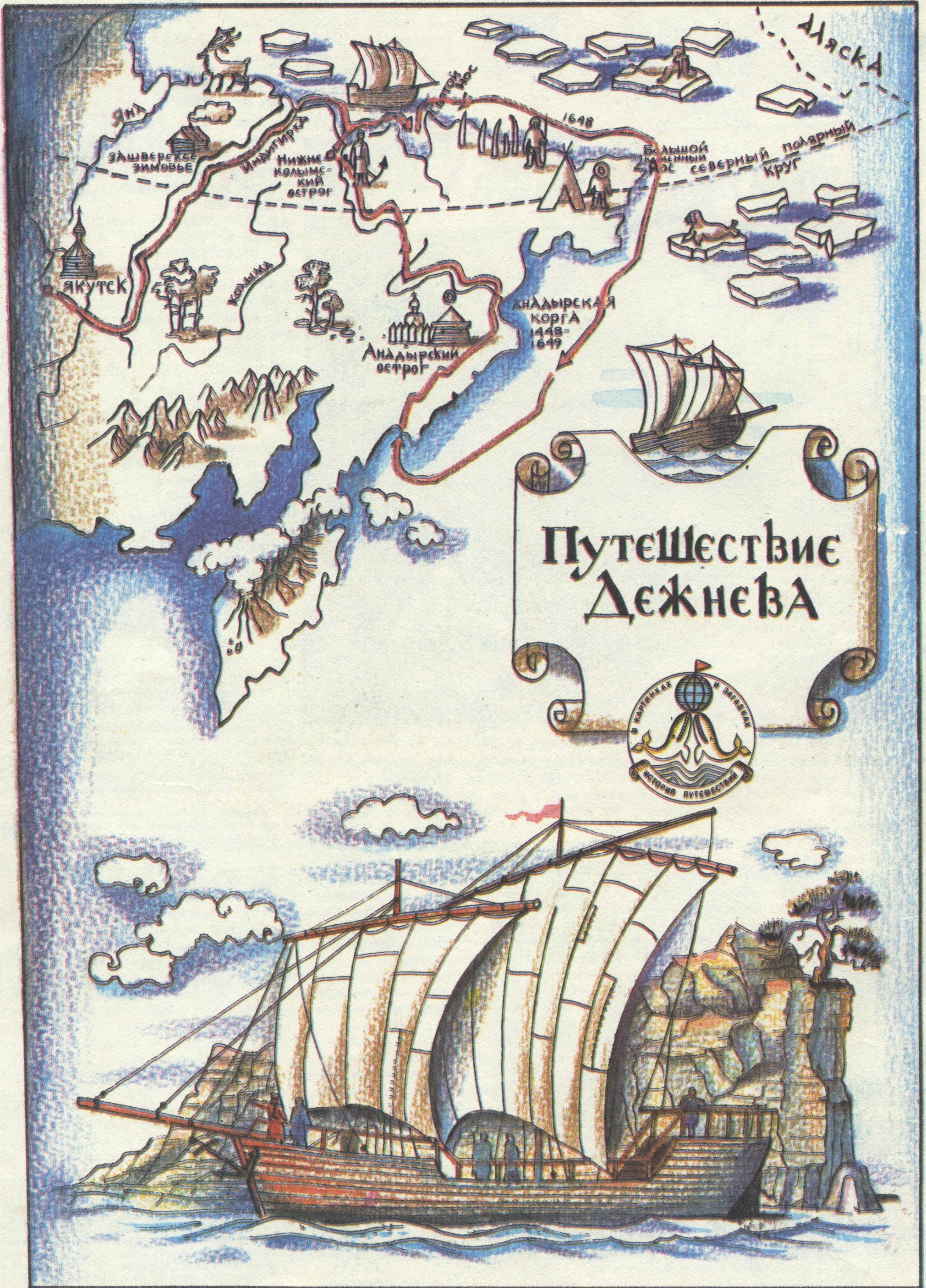
Заказ № 3287

Цена 30 к.

Текстовые диапозитивы, диапозитивы иллюстраций изготовлены на Ленинградской фабрике офсетной печати № 1. Отпечатано на полиграфкомбинате ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» ордена Трудового Красного Знамени издательско-полиграфического объединения ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Зак. 0—18. Адрес полиграфкомбината: 252119, Киев-119, Пархоменко, 38—44.

Л6394

А для любителей подумать — вопрос.
Когда могла быть нарисованная художником сценка?
В начале путешествия или в конце его?